

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации
Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова

М.Е. Ерин
История Веймарской республики в новейшей германской историографии

Учебное пособие

Ярославль 1997

ББК ТЗ (ЧГ)62я73
Е71

В учебном пособии дается анализ взглядов ученых ФРГ по основным аспектам истории Германии 1918 - 1933 годов. В нем критически излагаются наиболее распространенные в современной западногерманской исторической литературе концепции по проблемам становления, развития и распада первой немецкой демократической республики. Большое внимание уделяется рассмотрению дискуссионных вопросов, связанных с крахом веймарской демократии и установлением национал-социалистической диктатуры в 1933 году. Работа построена по проблемно-хронологическому принципу.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ярославского государственного университета

Рецензенты: кафедра всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; доктор исторических наук, профессор И.Д. Чигрин.

ISBN 5-230-20505-9

© Ярославский государственный университет, 1997
© Ерин С.А., 1997

	3
Оглавление	
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. СТАНОВЛЕНИЕ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОЦЕНКЕ ИСТОРИКОВ ФРГ	7
ГЛАВА II. “НЕСБЫВШАЯСЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ”	21
ГЛАВА III. РАСПАД ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	31
§ 1. Споры немецких историков об особенностях мирового экономического кризиса, о политике канцлера Г. Брюнинга и “меньшего зла” СДПГ	31
§ 2. Президиальные кабинеты Ф. фон Папена и К. Шлейхера в оценке западногерманских историков	54
ГЛАВА IV. ПРИЧИНЫ КРУШЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В 1933 ГОДУ	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	100
ПРИМЕЧАНИЯ	103

Введение

Когда размышляешь о судьбе Веймарской республики, прежде всего думаешь о ее кратковременном существовании и трагическом конце. Четырнадцатилетний путь республики закончился ее крушением, первый демократический эксперимент немцев оказался неудачным. В их историческом сознании веймарская демократия ассоциируется именно с крахом.

По теме "Веймарская республика" в ФРГ опубликовано огромное количество исследований. Обсуждение и дискуссии по ее истории не прекращаются и по сей день. Это одна из центральных проблем в трудах немецких ученых. Как пишет историк Г.А. Винклер, Веймарская республика - это огромная лаборатория классического модернизма, время культурного прорыва, освобождения от пустых традиций, огромного триумфа мирового художественного и интеллектуального авангарда¹.

Обостренный интерес к истории парламентско-демократической Веймарской республики (далее: Веймар) вызван ее последующим крахом и приходом на смену ей национал-социалистической диктатуры. Падение республики воспринимается большой катастрофой не только в немецкой, но и в мировой истории. Известный западногерманский ученый Х. Шульце констатирует, что наш интерес к Веймару чисто политический. Первая немецкая республика есть большой негативный фон, на котором отражается зловещее предупреждение нашему нынешнему политическому существованию. На всех решающих поворотах Боннской республики присутствует дух умершей веймарской демократии. Веймар был и остается политическим аргументом, постоянным исходным пунктом нашего исторического опыта².

Трагический конец республики весьма поучителен в свете сегодняшних событий, в плане выводов из крушения веймарской демократии на будущее и извлечения уроков из истории в рамках политического образования. Крах республики являет собой урок и для современных политических режимов Запада. Вся послевоенная германская политика (после 1945 г.) и дискуссия об устройстве общества развивались на базе ее "уроков" и "примеров".

Парламентский совет, занимавшийся в 1948 - 1949 годах разработкой Основного закона (конституции), постарался извлечь уроки из Веймара, установления нацистской диктатуры и избежать известных недостатков Веймарской конституции. Веймар оценивался как устрашающий эксперимент, повторение которого при всех обстоятельствах необходимо избежать³. Конституция ФРГ, без сомнения, представляет попытку преодолеть роковые ошибки парламентско-президентского дуализма веймарской конституционной системы. И эта попытка удалась. Ее творцы были озабочены тем, чтобы защитить свободный демократический строй от его возможных врагов. Это тоже было уроком веймарских времен. В результате немцы смогли преодолеть рецидивы тоталитарного прошлого и создать одно из наиболее демократических государств в мире. В 1956 году швейцарский публицист Ф.Р. Аллеман произнес выразительную фразу "Бонн - не Веймар", имея в виду, что Бонн не должен быть похожим на Веймар и обязан избежать печальных ошибок. И действительно, в политической публицистике 50-х годов либеральные основы Веймарской конституции подверглись острой критике, а теме "Бонн - не Веймар" были посвящены многие работы. Изучение проблем Веймарской республики должно было содействовать созданию исторической модели стабильного государственно-политического строя.

Историей Веймарской республики занимались не только немецкие, но и американские, английские, французские и наши отечественные историки⁴, хотя интерес к ней в последние годы у нас в стране упал. Заслуживает внимания обращение исследователей к изучению вопроса об альтернативности развития в конце республики⁵. Эта дискуссионная проблема раньше старательно обходилась в нашей литературе. Ею более или менее успешно занимались и занимаются многие западные историки. Следует упомянуть о единственной историографической работе по Веймарской республике Л.В. Овчинниковой, написанной в начале 80-х годов⁶.

В данном учебном пособии мы попытаемся дать обстоятельный обзор и анализ новейших публикаций по истории Веймарской республики, вышедших в ФРГ во второй половине 80-х - 90-е годы. Необходимость такой работы, как нам кажется, объясня-

ется появлением солидных обобщающих трудов, получивших широкую известность и популярность внутри Германии и за рубежом и не нашедших серьезного анализа и оценки в отечественной германистике. Эти труды представляют собой важный вклад в изучение истории Германии 20 - 30-х годов. Особенно хотелось бы подчеркнуть, что с концом "старой" ФРГ и воссоединением Германии в 1990 году изменились до тех пор господствовавшие рамки интерпретации первой немецкой республики. В таких работах, как "Веймарская республика 1918 - 1933. Политика. Экономика. Общество"⁷ и "Германский государственный кризис 1930 - 1933. Свобода действий и альтернативы"⁸ авторским коллективам удалось достичь интересной комбинации анализа, исследования, дискуссии, обобщения и взвешенной оценки различных, порой противоречащих друг другу трактовок, отражающих политические настроения различных кругов германского общества. Кроме того, в них указывается на так называемые "белые пятна" в изучении истории республики. Здесь также хотелось бы отметить интересный сборник статей, подготовленный и изданный группой Гейдельбергских историков, посвященный распаду Веймарской республики и установлению нацистской диктатуры⁹. В историографии Веймарской республики появились новые имена: П. Лонгерих, З. Ёахим, Х.-У. Тамер и другие. В данном учебном пособии анализируются в основном работы социал-реформистских, либеральных и леволиберальных историков.

Глава I.

Становление Веймарской республики в оценке историков ФРГ

Веймарскую республику называют "импровизированной", "незавершенной", "нелюбимой республикой", ее характеризуют как "неудавшийся эксперимент" и "самоотказ от демократии". Профессор Мюнхенского университета и директор Института современной истории в Мюнхене Х. Меллер пишет, что веймарское государство не смогло достичь того, что ждали от него немцы, и все же достигло многого при экстремальных условиях своего существования. Оно осталось специфической формой незавершенной демократии¹. Х. Шульце настойчиво отстаивает свой старый тезис о том, что первая немецкая демократия не была убита, но она сама отрелась от себя: самоубийство не есть убийство².

Молодая республика понималась как защитный вал против революции. Она должна была проводить реформы, направленные на преодоление милитаризма, феодальных пережитков и государственно-авторитарных традиций. Первая немецкая республика возникла (9 ноября 1918 г.) в результате поражения кайзеровской Германии в первой мировой войне (1914 - 1918 гг.) и вспыхнувшей, как ее следствие, революции. Большинство немцев приняло неожиданный конец монархии не как военное поражение, а как результат гнусной, отвратительной революции. В свою очередь мировая война стимулировала кризис Германской империи и явилась главной причиной революции. Революционное происхождение республики считалось одним из главных ее пороков. Как пишет леволиберальный историк Д. Пойкерт, предысторию германской революции нужно искать в "немецком взломе" 1914 года. Только из мифа августа 1914 года понятна драма ноября 1918 г.³ И действительно, опыт и итоги первой мировой войны наложили отпечаток на весь XX век. Ее последствия оставили после себя глубокий след в истории республики. По мнению профессора политологии из Нюрнбергского университета

Г. Яспера, военное поражение Германии в первой мировой войне сильно ослабило разноцветный фасад монархической роскоши и привело к "импровизированной демократии" Веймарской республики⁴. Не все историки ФРГ согласны с такой трактовкой событий. Социал-реформистский историк Э. Кольб полагает, что в толковании "импровизированная демократия" недостаточно учитываются некоторые важнейшие аспекты. Во-первых, прежде чем военное руководство заявило, что война проиграна, большинство рейхстага требовало расширения демократических элементов конституции, выступало за парламентаризацию имперского правительства. Переход от конституционной монархии к республике по меньшей мере был не просто импровизацией, а подготовлен мощными политическими силами. Во-вторых, решения о конкретном оформлении веймарской демократии принимались в ходе революции. В-третьих, после окончания собственной фазы создания о долговременных шансах жизни республики еще не было сказано последнее слово⁵.

Действительно, процесс становления Веймарской республики и веймарской демократии проходил в условиях ожесточенного противоборства сторонников и противников революции 1918 - 1919 годов. Она вступила в жизнь при крайне неблагоприятных внешних и внутренних обстоятельствах: отсутствие демократических традиций, военное поражение, тяжелейшие последствия войны, ответственность за которые несла монархия, унижительные условия мирного договора, инфляция, глубокий национальный кризис, распад традиционных связей и представлений, пессимизм, антисемитизм и, наконец, неприязнь к демократической республике. К тому же республика унаследовала авторитарную и агрессивную политику германской элиты XIX века, остатки вильгельмовского государства власти, в ней было заложено начало будущего роста национал-социализма и его последствий: второй мировой войны и раскола Европы⁶. "Предательство", "революция", "легенда об ударе кинжалом в спину", "Версаль" - эти меткие слова ложились тяжелым бременем на республику с самого начала и до конца. Это бремя отравляло ее внутривнутриполитическую атмосферу и усложняло по существу весь путь к особой демократической государственности и, следовательно, к своей внутренней стабилизации⁷.

В трудах немецких исследователей большое место отводится выяснению роли социал-демократии в процессе становления республики. Это естественно, ведь СДПГ возглавила революцию и относится к отцам-основателям республики. Наиболее интенсивно эта проблема изучается историками умеренно социал-реформистской ориентации. Они отмечают, что эта партия сыграла решающую роль в становлении и укреплении парламентской демократии в Германии. Когда началась революция, лидеры социал-демократии с первых дней стремились избежать кровопролития, сохранить порядок и установить парламентскую демократию. СДПГ оставалась партией порядка, а ее руководители считали главным для себя “усмирить” революцию, не допустить, чтобы она переросла, как русская революция, в хаос и гражданскую войну, консолидировать различные политические силы, возвратить миллионы солдат на родину, обеспечить население продуктами питания, осуществить переход от военной экономики к мирной и сохранить государственное единство⁸. Итак, главной задачей СДПГ было предотвратить гражданскую войну, избежать насилия и террора. Это, по мнению Г.А. Винклера, создало одновременно предварительное условие сотрудничества с умеренными силами буржуазии, а без такого “классового компромисса” не могла бы состояться парламентская демократия⁹. Лучшим правлением для республики являлась правительственная коалиция партий либеральной буржуазии и СДПГ. Как известно, марксистская предвоенная социал-демократия отклоняла такой компромисс. Только после разрыва с ортодоксальными левыми умеренное большинство начало сотрудничество с буржуазной серединой.

В этом контексте многие авторы высоко оценивают и оправдывают тайное соглашение (10 ноября 1918 г.) рейхсканцлера и лидера СДПГ Ф. Эберта с фактическим шефом рейхсвера генералом В. Грёнером. Главной целью для примирения двух деятелей была борьба против “революции и большевизма”, как можно быстрее через Национальное собрание восстановить “законный порядок”, без глубоких потрясений государства достигнуть спокойствия и согласия¹⁰. После этого Грёнер от имени Верховного командования заявил о лояльном отношении к новому правительству, ожидая в качестве вознаграждения поддержку

Советом народных уполномоченных (СНУ) усилий военного руководства по установлению дисциплины в войсках, что означало, в особенности, поддержание командной власти офицеров. Из союза Эберт - Грёнер, пишет Д. Пойкерт, вырос базис компромисса между новой республикой и старой армией¹¹. Схожее мнение высказывают Э.-В. Бёкенфёрде и Э. Кольб. Они считают, что этот союз был продиктован реальными политическими соображениями. Ради достижения своих целей СДПГ должна была признать Верховное командование в качестве равноправной политической силы и вряд ли в ситуации 10 ноября можно было действовать иначе¹². Г.А. Винклер имеет несколько иную точку зрения. Он не верит в антибольшевистский "союз" Эберта - Грёнера. По его утверждению, такой "союз" не мог быть заключен уже потому, что Верховное командование 10 ноября совсем не располагало необходимым военным потенциалом. Гораздо важнее была позиция солдатских Советов, которые в ноябре 1918 года были склонны более всего прислушиваться к мнению Ф. Эберта и О. Вельса, чем В. Грёнера и П. Гинденбурга¹³. Мы полагаем, что аргументы Винклера небезосновательны, однако они не могут вообще исключить такого соглашения. Мнение Винклера разделяет леволиберально настроенный историк П. Лонгерих. Он принадлежит к молодому поколению исследователей истории Веймарской республики. В своей книге П. Лонгерих пишет, что первое соглашение Эберта - Грёнера еще ни в коем случае не означало "союза" между ними против продолжения революции, как позднее изобразил Грёнер; гораздо важнее для выживания правительства Эберта - Гаазе являлась поддержка прусским военным министерством и берлинским солдатским Советом. Верховное командование в тот момент вообще было не в состоянии оказать помощь Эберту войсками, так как волна восстаний охватила уже гарнизон в Спа. Существование самого Верховного командования оправдывалось только тем, чтобы организовать эвакуацию действующей армии и ее роспуск¹⁴. Критически оценивает союз Эберта - Грёнера леволиберальный историк Р. Хофман, называя его "роковым пактом", который углубил раскол между готовыми к действию рабочими и частью рабочего движения, ориентированной на выборы и парламентаризм¹⁵.

Вообще, историки ФРГ полагают, что становлению республики способствовали три основных компромисса, достигнутые в первые дни начавшейся революции. Первый компромисс - конституционно-политический (9 - 10 ноября 1918 г.), который привел к власти Совет народных уполномоченных; второй - военно-политический компромисс между Эбертом и Грёнером; третий - социально-политический компромисс 15 ноября между профсоюзами рабочих и предпринимательскими союзами ("соглашение Стиннеса - Легина"). Особенно в заслугу СДПГ и профсоюзам ставится последний компромисс ("основной компромисс" Веймара), чаще его называют "социальный пакт", предусматривавший отказ от социальной классовой борьбы, признание профсоюзов как представителей рабочих, участие рабочих в управлении предприятиями в форме рабочих комиссий. Это соглашение, напоминавшее "что-то вроде социальной конституции республики"¹⁶, наполненное "мыслями социального партнерства" и предлагавшее модель, как можно идти навстречу интересам рабочих без социализации, безусловно смягчило ход революции. "Социальная политика без социализации" - такова была стратегия предпринимателей во время революционных месяцев, констатирует Кольб¹⁷. Оценивая положительно соглашение Стиннеса - Легина, Ф. Хенчель констатирует, что три дня спустя оно было опубликовано в имперском бюллетене и этим вошло в ранг основного социально-политического закона будущего немецкого государства¹⁸. Итак, благодаря этим компромиссам, пишет Д. Пойкерт, республика смогла преодолеть тяжелейший послевоенный кризис. Однако, продолжает он, к марту 1930 г. фундамент здания этих компромиссов был окончательно подорван¹⁹. На это же указывает Х. Шульце, подчеркивая, что их взаимное расторжение обернулось тяжелым испытанием для социальной и экономической системы и стало решающим ударом по веймарской государственности²⁰. Таким образом, альянс предпринимателей и профсоюзов был построен на хрупком фундаменте.

В западногерманской историографии вызывает массу споров вопрос об упущенных возможностях и допущенных просчетах социал-демократии в ходе революции и первые месяцы республики. Эти ошибки явились одними из главных причин ее краха. Одни историки обвиняют лидеров СДПГ в том, что они не прове-

ли реформы в государственной, военной и экономической сферах. Партия не использовала исторический шанс для укрепления основ республики, для создания стабильной и социальной демократии. Она пошла на сотрудничество с представителями старой власти, армии, бюрократии и экономики. Наиболее видным представителем этого направления является известный историк Г.А. Винклер. Ниже мы остановимся более подробно на его взглядах.

Другие утверждают, что такие реформы невозможны, а социал-демократы лишь подчинились необходимости. Так, Э.-В. Бекёфёрде пишет, что у СДПГ не было собственных профессиональных кадров, которые могли бы заменить кайзеровскую бюрократию. Новый режим нуждался в опыте и знаниях чиновников. Социал-демократы оказались в безвыходном положении и вынуждены были сохранить старые кадры. Правда, автор сожалеет, что они все же не использовали благоприятный момент для решающей перестройки чиновничьего корпуса. К тому же, чиновничество было негативно настроено по отношению к демократически-республиканскому государству²¹. Весьма критически относятся к политике социал-демократов в первые месяцы существования республики историки М. Фогт и Р. Хофман. Последний отмечает, что отказ СДПГ от демократических изменений в госаппарате, армии, экономике и лишение могущества старых антидемократических сил в государстве нанесли большой вред республике. Исходя из своего анализа Хофман приходит к выводу, что падение республики было обусловлено двумя главными причинами: во-первых, отказ ее основателей от защиты демократического государства и, во-вторых, ошибки, допущенные при его создании²². На губительные последствия сохранения старого государственного аппарата указывает Э. Экель. В Веймарской республике он состоял преимущественно из монархистов. Это усиливало их позиции и в значительной мере ослабляло позиции республики. Отрицательное значение, по его мнению, имело и то, что владельцами средств производства главным образом являлись монархисты²³.

В этой связи несомненный интерес представляет точка зрения Винклера. Он считает, что социал-демократами в конце 1918 - начале 1919 года был упущен шанс демократизации Гер-

мании. Демократические реформы в военной и социально-экономической областях были возможны и необходимы. Правда, не массовые, а ограниченные - в духе умеренных независимых социал-демократов. К тому же, рабочие и солдатские Советы, роль которых в революции сегодня рассматривается более здраво, чем в середине и в конце 60-х годов, вероятно, могли бы поддерживать умеренную политику реформ "сверху"²⁴.

Винклер полагает, что призыв к борьбе со всей буржуазией или со всем профессиональным сословием мог бы развязать гражданскую войну, а ее хотели избежать те, кто стремился к демократии. Поэтому "республика с самого начала должна была жить с чиновничеством, среди которого убежденные республиканцы составляли значительное меньшинство"²⁵. К сожалению, продолжает автор, правящая верхушка социал-демократии не провела чистку госаппарата, не сочла делом первостепенной важности уволить с ключевых постов крайне монархически настроенных функционеров. Это была серьезная историческая ошибка. К противникам молодой демократии, по мнению Винклера, относились офицерский корпус, часть образованной буржуазии, органы юстиции, немецкие университеты и гимназии²⁶. Кстати, он упрекает СНУ в халатности, послужившей основной причиной того, что в Германии, в отличие от Австрии, не были созданы добровольческие отряды республиканского фольксвера. Но более важной проблемой, чем образование республиканского фольксвера, была демократизация армии. Она позволила бы противопоставить консервативному офицерству сильные солдатские организации, находившиеся в большинстве своем под влиянием рабочих партий²⁷.

Просчет социал-демократии был сделан и в вопросе социализации. Отложив ее в долгий ящик, они тем самым отказались от значительной доли укрепления парламентской демократии. Возможно было, пишет Винклер, установление общественного контроля над экономикой, вплоть до обобществления горнопромышленного сектора. Но далее, если бы СНУ захотел активно проводить политику социализации, он натолкнулся бы на пассивность или же сопротивление профсоюзов. Им социализация была не нужна. В определенной мере они связали руки СНУ. Без профсоюзов эта политика была неосуществима. Затем Винк-

лер делает вывод, что социализация могла быть оправдана только в отсталой крестьянской России²⁸.

Автор весьма категоричен в оценке пагубной роли остэльбского юнкерства в сдерживании процесса демократизации и в разрушении веймарской демократии. В этом он видит одну из причин слабости республики. Из старой элиты никто так активно и успешно не работал в этом направлении, как остэльбское юнкерство. Однако в 1918 - 1919 годах ни одна сторона не поднимала вопрос об экспроприации помещичьей собственности. Винклер сознает, что раздача помещичьих земель была связана с непредвиденным экономическим риском. Хотя возможно было "государственно-капиталистическое" решение, то есть земли Пруссии, Мекленбург-Шверин и Мекленбург-Штрелитц могли сами взять во владение поместья и передать для хозяйствования квалифицированным арендаторам. Но такая возможность, отмечает он, даже не обсуждалась²⁹.

Винклер, да и другие историки справедливо подчеркивают, что в самом фундаменте республики оказались "глубокие изъяны", позволившие ее врагам поносить парламентаризм, презирать и шельмовать республику, вести против нее агитацию и устраивать путчи. Кстати, Пойкерт указывает на такой момент, что быстрый и почти бескровный крах монархии в ноябре 1918 года привел социал-демократию к роковой недооценке контрреволюционного потенциала³⁰. Он считает, что у СДПГ была альтернатива: опора на лояльные Советы, демократизация органов управления, создание лояльных новому режиму вооруженных сил. Она не была использована, и это остается фатальным фактом³¹.

Важное место в работах современных исследователей занимает вопрос о влиянии Версальского договора (1919 г.) на судьбу республики. Оценка мирного договора дается в двух аспектах: внешнеполитическом и внутриполитическом, без эмоционального пристрастия, как прежде, более трезво и объективно. Относительно внешнеполитического положения Германии, авторы подчеркивают, что оно отнюдь не было безнадежным. Версальский договор носил фактически компромиссный характер. Он не был, правда, тем мягким "Вильсоновским миром", о котором воображали в Германии, но он не был также и "карфагенским ми-

ром”, как требовали влиятельные политики и большая часть общественного мнения в странах-победительницах. Вопреки Версальскому договору германский рейх, пишет Кольб, сохранил статус великой европейской державы и в перспективе имел возможность вновь играть активную роль в европейской политике, даже с большей внешнеполитической свободой маневра, чем накануне 1914 года³². Винклер конкретизирует этот тезис, отмечая, что надежда Германии вновь подняться до уровня великой европейской державы никоим образом не была уничтожена Версальским договором³³. Оба историка считают, что Германии оставался шанс установить особо тесные отношения с остальной “промежуточной Европой”: Финляндией, Балтийскими государствами и Болгарией. Юго-Восточная Европа могла при осторожной политике со временем попасть в экономическую и политическую сферу влияния германского рейха. Важнее всего было то, что об изоляции Германии после первой мировой войны не могло быть и речи. Сближение республиканской Германии и Советской России, этих двух “париев”, было обусловлено логическим развитием мирного порядка 1919 года. Кольб констатирует, что эти хорошие шансы были упущены из-за слепой ненависти немцев к Версальской системе, и это было роковой ошибкой германской новейшей истории³⁴. Он разделяет точку зрения тех историков, которые считают, что главная цель германской внешней политики после 1919 года - ревизия Версальского договора. Версальский мир хотя и не был главным фактором падения Веймарской республики, но он отягощал ее и способствовал подъему национал-социализма. И только “своевременная ревизия мирного договора спасла бы республику и мир”³⁵.

Аналогичные суждения высказывает упоминавшийся нами историк П. Лонгерих. Он указывает на ряд позитивных моментов, которые германская политика получала в рамках нового порядка в Европе. Во-первых, удалось сохранить единство рейха. Во-вторых, Германии более не противостоял сплоченный фронт противников войны. Наоборот, ей дали шанс извлечь из глубоких противоречий между большевистской Россией и западными странами-победительницами выгоду в пользу германской политики. В-третьих, для германской внешней политики открылись разнообразные возможности, в частности, взять на себя руководящую

роль в сплочении небольших вновь созданных государств, протянувшихся от Финляндии до Югославии. В-четвертых, фактор времени подсказывал Германии постепенно добиваться ослабления жестких и дискриминационных условий Версальского договора, особенно это касалось вооружения и репараций. В среднесрочной и долгосрочной перспективе, констатирует автор, германская политика выглядела не так уж мрачно, если сравнить ее с тупиком, в который завела вильгельмовская “мировая политика” 1914 года. Такой взгляд выходил за рамки в то время господствовавшего националистического самообмана³⁶.

Ситуация, созданная в Германии Версальским миром, наложила свой отпечаток на всю последующую историю республики. На протяжении всех 14 лет над ней лежала тень не кайзеровской Германии, а Версаля. Мирный договор стал сразу орудием правых сил и одним из важнейших источников политических конфликтов. Его принятие было использовано против демократических сил и самой республики. Ее сторонников упрекали в том, что они, подписав Версальский договор, отдали руку и сердце для унижения Германии³⁷. Особенно болезненно была воспринята статья 231 договора, которая возлагала ответственность и обвиняла Германию в развязывании войны в августе 1914 года. Эта статья устанавливала также юридическую ответственность германского рейха за причиненные разрушения и требовала законной выплаты репарационных платежей. Статья 231 Версальского договора, пишет Кольб, носила характер морального вердикта виновника войны. Этим была нанесена травма национальному самолюбию немцев. Несомненно, продолжает он, договор представлял крайнее обременение для молодой демократии, и можно сомневаться, действовали ли победители разумно, когда они последствия поражения буквально взвалили на тех немецких политиков и на те партии, которые объявили себя сторонниками Вильсоновских идей взаимопонимания между народами³⁸.

Широкие круги населения слишком быстро склонились к тому, чтобы обвинить новый политический порядок, который вырос из наследия старого режима и четырехлетней войны, а также из условий Версальского договора. Его принятие усилило неприязнь к демократическому государству, породило тот национали-

стический и реваншистский климат, в котором развивалась политическая жизнь республики.

Подписание мирного договора воспринималось людьми, националистически настроенными, и, в особенности, участниками войны не иначе, как потеря республикой национальной чести. Веймарская демократия стала объектом ненависти для реакционных и консервативных сил, воинствующих антисемитских сект. Не республиканская конституция, констатирует Э.-В. Бёкенфёрде, а требование ревизии Версальского договора создало тонкую основу согласия между политическими партиями³⁹. Только цели и средства этой ревизии были разными. Винклер пишет, что социал-демократы и умеренный центр видели главную задачу в том, чтобы внести невоенные коррективы в Версаль и думали прежде всего об изменении германо-польской границы. Радикальные партии справа и КПП, напротив, признавали себя сторонниками открытого ниспровержения мирного порядка⁴⁰. Действительно, в борьбе против “лжи о виновности Германии в войне” объединились представители различных политических направлений, породившей к тому же легенду “о невиновности кайзеровской Германии”. Крайний национализм А. Гитлера был ответом на проигранную войну и национальное унижение Версалем. Версаль и революция были двумя тезисами, с помощью которых агитировали как в 1919, так и в 1933 году. Эта агитация отравляла внутривнутриполитическую атмосферу республики.

В работах историков ФРГ справедливо отмечается, что начало республики сопровождалось ожесточенными противоречиями конкретного оформления нового строя. Не были благоприятными исходные условия для создания германской демократии, которая воспринималась как результат неожиданного поражения и поэтому не стала популярной. Когда в середине 1919 г. веймарское государство вышло из фазы становления, оно, несомненно, было хрупким творением, находившимся под угрозой сил справа и слева, которые ожесточенно боролись с республикой. КПП готовилась к революционному свержению республики, которую отвергала как буржуазную. Борьба против нее велась под лозунгами социальной революции и антимилитаризма. Компартия видела в ней результат предательства рабочего класса социал-демократами и профсоюзами путем компромисса с капиталистами, армией и

старым руководящим слоем. Поэтому рабочий класс должен устранить республику и установить диктатуру пролетариата по советскому образцу. Первые также собирали силы, чтобы вновь попытаться ликвидировать парламентскую республику. Они считали ее продуктом предательства революции сражавшегося фронта в смысле “легенды об ударе кинжалом в спину” и одновременно рассматривали республику как результат иностранного диктата над Германией. Правые противники демократии беспрерывно утверждали, что республика - “не немецкая”, “чужеродная”, импортированная форма государства⁴¹. От нее немецкому народу нужно так же освободиться, как и от версальского “диктата”. Негативное взаимодействие врагов республики слева и справа возникло с самого начала ее существования. Следовательно, этот большой антидемократический потенциал постоянно сохранялся на протяжении всех 14 лет республики и был подхвачен Гитлером. В работах немецких историков подчеркивается, что с заключением Версальского договора (июнь 1919 г.) и принятием конституции (август 1919 г.) для Веймарской республики не наступила фаза внутренней консолидации.

Однако следует сказать, что Веймарская конституция юридически оформила происшедший в Германии в результате революции переход от полуабсолютистской монархии к буржуазно-парламентской республике. Она была первой демократической конституцией Германии: устанавливала прогрессивные для буржуазных условий всеобщие, равные, прямые и тайные выборы - как в масштабе всего государства, так и для отдельных земель, отменяла сословные привилегии, объявляла равенство всех граждан перед законом и равноправие женщин. Веймарская конституция являлась важным завоеванием германского пролетариата и всех демократических сил.

В работах немецких историков дается разная оценка конституции. В них критикуется ее непоследовательность, половинчатость и противоречивость. Указывается на несовершенство и компромиссный характер конституции, то есть компромисс между различными мировоззренческими лагерями. И этот компромисс имел отчасти гротескные формы⁴². Это наглядно проявилось, например, в принятии государственного флага (своеобразного “двоефлажия”) или в названии нового государства:

“Германская империя является республикой”. По мнению Г. Больдта, серьезная проблематика конституции заключалась в том, что политический базис, на котором покоился конституционный компромисс - веймарская коалиция - со временем оказался не столь прочным, и уже с 1920 года, ввиду начинающегося изменения партийного и коалиционного соотношения, согласие постепенно ослабевало. Это имело свои последствия, поскольку такой компромисс в будущем становился проблематичным⁴³. Недостаточная готовность партий к коалиции, их неспособность создать стабильное правительственное большинство привели к перекладыванию ответственности на правительство и президента, которые с их правом чрезвычайного положения ускорили движение в сторону замены принятия законов парламентом. Больдт считает, что переход с 1930 года к президентским кабинетам не следует понимать как проходящий чрезвычайный режим на время мирового экономического кризиса, а как начало большого изменения конституции, как отправную точку к “ремонархизации” страны. Разумеется, здесь в конце концов кроются корни перехода к национал-социалистической диктатуре. Деструктивные моменты в конституции открыли путь “легальной революции” Гитлера⁴⁴.

Винклер отклоняет тезис тех историков, которые критикуют пропорционально-представительную систему выборов в рейхстаг, поскольку это привело к расколу партийной системы и подъему национал-социализма. Автор утверждает, что наверняка гибель Веймарской республики не может быть связана с провозглашением избирательных прав конституцией 1919 года⁴⁵. Винклер, кажется, не разделяет мнение тех критиков, которые считают, что заложенные в Веймарской конституции элементы плебисцитарной демократии были важной причиной краха республики. В то же время он сам полагает, что “народная инициатива” и референдумы, которые состоялись в 1919 - 1933 годах, не дали желаемого результата. В общем итоге Веймар не дает, по меньшей мере, повода для плебисцитарного “расцвета” представительной демократии⁴⁶.

Особое внимание немецких исследователей заостряется на противоречии, заключенном в конституции, между парламентом и полномочиями рейхспрезидента. Речь прежде всего идет о ста-

тье 48, по которой президенту предоставлялись широкие полномочия. Отмечается, что это противоречие можно рассматривать как неудачную конструкцию Основного закона⁴⁷. Кольб пишет, что рейхспрезидент получал огромные полномочия, которые можно расценивать как “эрзатцкайзера”. Этим отцы конституции выразили недоверие ко всей парламентской системе и государственно-партийной демократии. Создатели конституции исходили таким образом - в отличие от британского парламентаризма - не из соображений о суверенитете рейхстага⁴⁸. Здесь хотелось бы привести известное высказывание К.Д. Брахера о том, что дуализм между президентской и парламентской системами явился “решающей структурной ошибкой” с “роковым последствием”⁴⁹. Наоборот, считает Больдт, функции рейхспрезидента можно интерпретировать иначе. Президент не представлял собою противовес стабильному парламенту, а, напротив, выступал в виде “спасителя” на случай неспособности законодательной власти. Его час приходил в кризисные времена - это было доказано веймарской конституционной практикой. Поэтому автор не видит ничего плохого в конструкции конституции⁵⁰. Указывая на этот серьезный недостаток Веймарской конституции, историки подчеркивают, что при разработке боннского Основного закона его авторы постарались учесть печальный опыт первой немецкой республики.

Глава II.

“Несбывшаяся контрреволюция”

1920 - 1923 годы были временем серьезного испытания первой парламентской демократии в Германии. Чаще об этом времени пишут как о кризисных годах. В этот период существование государственного строя не раз находилось на грани распада. А правительства республики неоднократно находились почти перед неразрешимыми политическими, экономическими и социальными проблемами. Они защищались от стремительной атаки противников парламентской демократии и находились под массивным давлением извне. Вопрос жизни и выживания для республики стоял остро и звучал так: способен ли фундамент, на котором была воздвигнута республика, показать свою жизнестойкость, и надолго ли? Будет ли прочным союз между умеренным крылом рабочего движения и демократически настроенной частью буржуазии?

По мнению большинства исследователей, весной 1920 года Германия оказалась на грани большой гражданской войны. Вообще, 1920 год, по их оценке, был переломным во внутренней политике Веймарской республики. В марте того же года объединенными усилиями рабочего класса удалось подавить вооруженный государственный переворот реакционных военных (капповский путч). Попытка установить военную диктатуру полностью провалилась. Провал путча имел серьезные последствия, которые повлияли на внутривнутриполитический ландшафт. В работах Винклера, Лонгериха и других историков справедливо отмечается, что с поражением путчистов автоматически не закончились акции вооруженных рабочих. Наоборот, во многих районах Германии рабочие продолжали борьбу против вооруженной контрреволюции. Центрами этих боев стали Тюрингия и, особенно, Рурская область, где была создана Рурская Красная Армия. Всеобщая забастовка и оборонительные бои здесь продолжались до начала апреля. Рурское восстание, пишет Винклер, одно из крупных массовых пролетарских восстаний в немецкой истории, за-

кончилось “кровавой бойней”. В подавлении Рурской Красной Армии участвовали добровольческие корпуса, которые перед этим были в лагере В. Каппа и генерала В. фон Лютвица. Рурское восстание, по его мнению, было последней революционной волной, которая прокатилась по Германии с ноября 1918 года. С поражением Рурской Красной Армии закончился революционный период. В этой связи хотелось бы напомнить точку зрения Винклера на периодизацию германской революции. Он выделяет три фазы ее развития: ноябрь - декабрь 1918 года; январь - май 1919 года; май 1919 - апрель 1920 года. Итак, по его утверждению, революция закончилась в апреле 1920 года. Автор считает, что из тяжелых потрясений весны 1920 года республика вышла неокрепшей¹.

В другой своей работе Винклер так оценивает события весны 1920 года. Всеобщая стачка оказалась обоюдоострым оружием. С одной стороны, она, в основном, способствовала поражению контрреволюционного режима и закончилась полным успехом. С другой, она развивалась по собственной динамике, которой профсоюзы и социал-демократы были бессильны противостоять. Вообще, по его утверждению, условия генеральной стачки в марте 1920 года были просто оптимальны: в Германии практически наблюдалась полная занятость, бастующим нечего было бояться, что безработные займут их места. Кроме того, рабочие стояли в одном ряду с легитимной государственной властью, пока стачка была направлена против режима путчистов. И все же, подчеркивает Винклер, всеобщая стачка оставила у лидеров профсоюзов горькие воспоминания, они полагали, что таким средством борьбы нельзя преодолеть конечный кризис Веймарской республики, не говоря уже о том, что радикальные левые против воли профсоюзов превратили эту стачку в вооруженную борьбу, из которой не рабочие, а военные вышли победителями².

Схожее суждение высказывает П. Лонгерих. Он считает, что после Ноябрьской революции и восстаний в первой половине 1919 года “рурская война” была третьей революционной волной на раннем этапе республики. Важнейшая цель рабочего движения в Руре - с конца 1918 года добиться социализации - фактически не была достигнута³. Лонгерих пишет, что провал капповского путча в марте 1920 года имел следующие последствия для стра-

ны. Произошло преобразование имперского правительства и правительств в двух крупных немецких землях: Пруссии и Баварии. В рейхе было образовано новое правительство, возглавляемое социал-демократом Г. Мюллером. Военный министр Г. Носке был заменен О. Гесслером, представителем Немецкой демократической партии. Серьезные изменения коснулись армии. Замена Носке Гесслером во главе военного министерства была равнозначна окончательному уходу социал-демократов из военной политики. Это ослабляло их позиции. При Гесслере, продолжает автор, и новом командующем рейхсвером генерале Г. Секте произошла “деполитизация” рейхсвера: армия должна была стать “вне политики”, политически нейтральным “государством в государстве”. Деполитизация, объясняет Лонгерих, означала, чтобы рейхсвер по возможности не втягивать во внутривнутриполитические противоречия, но она не означала решительной борьбы против антиреспубликанских устремлений внутри армии. Наоборот, большинство служащих рейхсвера было только в формальном смысле лояльным по отношению к имперской конституции. Они были внутренними противниками демократии⁴.

К тому же, считает Винклер, генерал Сект использовал свое назначение и тогдашнюю ситуацию, чтобы консолидировать рейхсвер по своему замыслу. Путч Каппа - Лютвица подтвердил его собственную оценку, согласно которой интересы рейхсвера не должны находиться в конфронтации с конституционным строем, а только в согласовании с гражданской исполнительной властью. А потому формальное признание существующего государственного порядка, с точки зрения Секта, было необходимым⁵. Путч Каппа оставил воспоминания о солидарности рабочих партий. Но этот союз рухнул уже в первой половине 1920 года, во время избирательной кампании в рейхстаг. СДПГ и НСДПГ обвиняли друг друга в ошибках, совершенных ими во время путча.

Пожалуй, одним из самых негативных результатов путча был итог первых выборов в рейхстаг в июне 1920 года с их резким поправением. Тогда большинство избирателей проголосовало за партии, которые отклоняли республиканскую конституцию или враждебно отнеслись к ней. Это дало растущую поддержку крайне правым силам, боровшимся против республики. Таким обра-

зом, включает Лонгерих, новые выборы были успехом путчистов и им сочувствующих⁶. Некоторыми историками справедливо отмечается, что для начала 1920-х годов была характерна достигнутая консолидация антиреспубликанских сил в государственном аппарате. Об этом свидетельствовал, например, тот факт, что путчисты открыто получали поддержку правосудия республики. Почти все, без исключения, они избежали наказания, ведь правительство объявило всеобщую амнистию основной массе путчистов.

Однако высший пункт государственного кризиса был в 1923 году, связанный с оккупацией франко-бельгийскими войсками Рейнско-Рурской области, почти полным крахом экономики Германии, сепаратистским движением и подготовкой КПП к революции. 1923 год был, действительно, вершиной и окончанием послевоенного кризиса. Еще одной чертой кризиса и реакцией на него было стремление достаточно широких политических кругов к установлению военной диктатуры. Об этом пишет Винклер. Генерал Секта был готов играть в Берлине ту роль, которую играл Г. Кар в Мюнхене. Кстати, Г. Стиннес хотел включить Секта в диктаторскую “директорию”, которую он предусматривал на случай коммунистического восстания. В сентябре 1923 года представители крупных землевладельцев, немецких националистов и некоторые члены Союза германских промышленников убеждали Секта взять власть в свои руки. Высшие представители республики в конце сентября 1923 года также обдумывали возможность временной передачи власти военным как последнего средства сохранить единство рейха⁷.

Попытки переворотов левых и правых диктаторских движений отражались с большим трудом. В этой связи Г.А. Винклер резко критикует путчистскую тактику КПП, политику Коминтерна и РКП(б) за подготовку коммунистической революции в Германии. Компартию автор характеризует как “революционную партию гражданской войны”⁸. Он обращает внимание на то, что острая экономическая и политическая ситуация в Германии была расценена председателем ИККИ Г.З. Зиновьевым как “приближающийся революционный кризис”.

Военный план, разработанный в Москве, предусматривал сначала вступление коммунистов в рабочие правительства в Сак-

сони и Тюрингии, затем они должны были организовать вооружение рабочих. Троцкий хотел уже назначить “немецкий Октябрь” на точную дату, 9 ноября, связанную с пятой годовщиной Ноябрьской революции. Винклер утверждает, что опасность восстания была вполне реальной до 21 октября. 21 октября в Хемнице объединенная конференция с участием членов саксонского правительства, представителей производственных Советов, профсоюзов и контрольных комиссий, которая должна была принять решение о всеобщей забастовке, перерастающей в вооруженное восстание, перечеркнула все планы. Они не нашли поддержки и одобрения. В результате ЦК КПП принял разумное решение: план пролетарского восстания пока отложить⁹. Несмотря на это решение, региональное восстание произошло в Гамбурге (23 - 25 октября), подавленное силой “порядка”. Разгром Гамбургского восстания подвел черту под “немецким Октябрем”, который провалился с первой попытки.

Вину за это, пишет Винклер, несут те, кто в августе 1923 года неверно оценил шансы германской революции и затем обосновал авантюристическую стратегию: ИККИ в Москве и его левые последователи в руководстве КПП¹⁰. Одну из причин он видит также в том, что социал-демократические рабочие массы отказались участвовать в коммунистическом сценарии гражданской войны. Вообще, Винклер считает, что летом и осенью 1923 года наиболее решающим образом обозначилась линия водораздела между КПП и СДПГ. Последняя защищала существующий политический порядок от любой попытки свергнуть его насильственно. Социал-демократия была консервативной силой в отношении государственного строя республики. И как только коммунисты призвали 11 августа 1923 года к генеральной стачке, социал-демократия вернулась к своей роли государственной партии. Под угрозой гражданской войны СДПГ вступила в правительство “большой коалиции”, возглавляемое лидером Немецкой народной партии Г. Штреземаном¹¹.

В ноябре 1923 года национал-социалистами была предпринята попытка государственного переворота с целью ликвидировать республику. Однако путч А. Гитлера 8-9 ноября в Мюнхене, объявивший о начале “национальной революции”, был быстро ликвидирован. В этой связи Винклер высказывает интересную

мысль. Он пишет, что с большой натяжкой можно утверждать, что Гитлер в ноябре 1923 года со своей провалившейся попыткой захватить власть внес вклад в спасение республики. Фюрер своим путчем и призывом к “национальной революции” вызвал обратное, и, таким образом, серьезные путчистские планы правых и своей партии были дискредитированы¹². Везде - в Саксонии, Тюрингии, Гамбурге - коммунисты потерпели неудачу, а Гитлер - в Баварии. Сепаратистское движение в Западной Германии, не нашедшее поддержки в широких кругах населения, закончилось провалом. Итог государственного кризиса осенью 1923 года был следующий. Прежде всего распалась “большая коалиция”, последовала отставка Г. Штресмана, социал-демократы были устранены из имперского кабинета на четыре с лишним года. Последовал запрет КПГ, коммунистической прессы и НСДАП, а Гитлер угодил в тюрьму. 1923 год показал, что имперское правительство в том случае, если речь шла о борьбе против “красных”, широко опиралось на поддержку рейхсвера. С конца октября 1923 года, полагает Винклер, от крайне левых сил не исходила более действительно революционная опасность. Коммунисты извлекли выводы для себя, отказавшись от планов “немецкого Октября”¹³, но КПГ до конца оставалась враждебной Веймарской республике. С другой стороны, буржуазно-парламентская демократия выдержала серьезное испытание, преодолела в конце концов все кризисы, не соскльзнув на путь открытой диктатуры. “Мягкий исход” государственного кризиса 1923 года Винклер объясняет тремя причинами. Первая: было образовано правительство “большой коалиции”, которое подготовило конец инфляции и перевело стрелки на фазу экономической стабилизации. Вторая: благодаря дипломатическому вмешательству США, решению репарационной проблемы и, следовательно, внешнеполитической разрядке был создан сильный аргумент против любой формы правительства справа. И, наконец, третья: диктаторские амбиции руководства рейхсвера под командованием генерала Г. Секта и праворадикальных сил во главе с Гитлером были остановлены через собственную легализацию и революционный путчизм¹⁴.

Другие историки называют иные причины, позволившие пережить катастрофические события кризисного 1923 года. Либеральный историк К. Швабе считает, что республика обязана двум

обстоятельствам: с одной стороны, недостаточная координация между различными попытками путчей, с другой - стойкость, политическое мастерство и ловкость канцлера Г. Штресемана, которому была оказана лояльная поддержка со стороны рейхспрезидента Ф. Эберта и главы прусского правительства О. Брауна¹⁵. К. Швабе и К.Д. Брахер полагают, что парламентскую демократию удалось сохранить благодаря положительной роли политических лидеров республики. Причем главную заслугу спасения республики Брахер приписывает президенту Эберту¹⁶. Упомянутый нами историк Д. Пойкерт не без оснований полагает, что демократической республике в то время не было альтернативы. Она смогла пережить 1923 год благодаря относительной слабости ее противников: левые еще не оправились от своего поражения в 1919 и 1920 годах, а правые оказались раздробленными. На них, к тому же, лежало пятно поражения путча Каппа. 1923 год обнаружил одновременно, что внешнеполитическая стратегия правых - "политика катастроф" - не имеет шансов на реализацию. То, что республика в конце концов выстояла между 1920 и 1923 годами, меньше всего она обязана своей силе¹⁷. Почему, спрашивает Пойкерт, республика выжила в 1923, а в 1933 году она рухнула? На этот вопрос, как он пишет, нет однозначного ответа. Однако 1923 год показал, что в истории не бывает безнадежных ситуаций. Глубина национального и международного кризиса 1923 года парадоксальным образом подвигнула различные политические силы к консолидации. 1933 год, напротив, подтвердил, какие последствия выбора могут быть при совсем не обязательной альтернативе¹⁸. Подводя итоги кризисному 1923 году, Кольб считает, что были предотвращены попытки путчей справа и слева, остановлена инфляция в результате проведения денежной реформы, начала разряжаться внешнеполитическая конфликтная ситуация, робко наступала внутривнутриполитическая стабилизация. Но, прежде всего, глубоко ослабленными вышли из противоречий 1923 года крайне левые. После провала "немецкого Октября", утверждает он, опасность коммунистического переворота окончательно исчезла: более не существовало "революционной ситуации", компартия лишилась значительной наступательной силы, она потеряла большую часть своих членов

и сторонников, а энергия функционеров была поглощена внутрипартийными конфликтами вокруг “сталинизации” КПП¹⁹.

Большинство исследователей не без оснований указывают на фигуру крупнейшего государственного и политического деятеля республики Г. Штреземана, оказавшегося в центре событий второй половины 1923 года. Он действовал как реальный политик и, став канцлером (август 1923 г.), отказался от “пассивного сопротивления”. Это имело огромное эмоциональное воздействие на немцев. В целом, историки считают, что правительство “большой коалиции” во главе со Штреземаном было самым успешным в Веймарской республике. За короткое время своего правления Штреземану удалось покончить с гиперинфляцией. Вслед за оздоровлением немецкой валюты последовала нормализация экономической жизни страны. Введение рентной марки 15 ноября 1923 года стало важнейшим законодательным мероприятием из всех, на которые уполномочивал правительство чрезвычайный декрет от 10 октября 1923 года²⁰. Швабе и Винклер, высоко оценивая эту меру правительства, пишут: “Чудо рентной марки” удалось²¹. Стабилизация валюты, продолжает Винклер, требовала применения диктаторских методов, которые предоставлялись правительству Штреземана. При этом оба автора критикуют СДПГ за участие в свержении кабинета Штреземана, проголосовав в рейхстаге 23 ноября наряду с КПП и НННП за вотум недоверия. Расчет социал-демократов был ошибочным, констатирует Винклер²². Своим уходом из “большой коалиции”, замечает Швабе, СДПГ, ради единства партии, ввергла Веймарскую республику в правительственный кризис в особо критическое время и при острых противоречиях с президентом Эбертом²³.

Совершенно обоснованно в этой связи исследователи обращают внимание на тот факт, что обе экстремистские партии сделали разные выводы из поражения 1923 года. Это сказалось на их дальнейшей судьбе, да и на судьбе самой Германии. Из неудавшегося путча, пишет Кольб, Гитлер извлек три урока, которые он строго учитывал при воссоздании партии в 1925 году. Первый: путчистская тактика была заменена тактикой легальности, то есть деятельность нацистской партии и достижение власти должны осуществляться в рамках “конституции и права”, завоевание большинства среди избирателей, проникновение в рейхстаг и

ландтаги земель, участие в президентских избирательных кампаниях, отказ от вооруженного захвата власти. Правда, эта тактика не исключала применения насилия в отношении политических противников. Второй: НСДАП воссоздавалась на широкой имперской и региональной основе, причем, в организационном отношении она старалась отделиться от остальных групп фёлькише и националистического лагеря. Штурмовые отряды (СА) однозначно подчинялись политическому руководству партии. Наконец, третий урок: НСДАП формировалась на принципах вождизма и становилась послушным инструментом воли фюрера. Гитлер был решительно настроен на то, чтобы с самого начала обеспечить себе роль партийного диктатора. Это ему удалось, конечно, не без огромных трудностей²⁴.

Заслуживает внимания точка зрения Винклера по этому вопросу. Он считает, что никто из правых политиков не извлек так хорошо уроки из путча 1923 года, как Гитлер. Он оказался человеком, который учится на собственных неудачах. После выхода из тюрьмы Гитлер реорганизовал партию и взял курс на “легальное взятие власти”. Фюрер убедился в том, что радикальное изменение существующих отношений невозможно при тотальной конфронтации с государственным аппаратом. Его можно достичь только при сыгранности с этим госаппаратом и при его эксплуатации²⁵. Гитлер, продолжает Винклер, клялся и божился в легальности, не считаясь со своими последователями. Он даже стал разыгрывать из себя стража конституции, которую думал уничтожить²⁶. Тактика легальности оказалась несравненно успешней, чем открытое признание революционного насилия, которому он поклонялся до 1923 года. Винклер констатирует, что своей тактикой легальности Гитлер обезоружил демократические партии, да и само правовое государство²⁷. Наоборот, КПП призывала к свержению существующей конституционной системы и открыто пропагандировала гражданскую войну, и это дало нацистам возможность предоставить себя в качестве фактора порядка и быть готовым вместе с полицией и рейхсвером подавить насильственные попытки ниспровержения слева²⁸.

Историк К. Штрифлер, написавший небезынтересную книгу о борьбе коммунистов и национал-социалистов в конце Веймарской республики за власть в Германии и придерживающийся кон-

сервативных взглядов, отмечает, что при сравнении стратегий завоевания власти двумя партиями (КПП и НСДАП) 1923 год имел для них решающее значение. Он пишет, что Гитлеру провал путча показал, что штурмовые отряды как боевой резерв для вооруженного мятежа не приведут его к власти, а только заведут в тупик²⁹. Отсюда была избрана тактика легальности. Конечно, это достаточно поверхностное и легковесное объяснение причин изменения тактики. КПП же из провалившегося Гамбургского восстания пришла к выводу, что в следующий раз нужно лучше готовиться к восстанию, предпринять все, что в ее силах, но добиться победы. Поэтому подготовка широких масс для дня "X" с середины 20-х годов стояла на первом плане. Насилие против правящих кругов, продолжает Штрифлер, стало справедливым средством политической дискуссии, нелегально распространяемая литература занималась подготовкой вооруженного восстания как высшей формы политической борьбы. К тому же немецкие коммунисты были поддержаны РКП(б). СССР оказывал им как косвенную, так и прямую помощь: финансовую, обучение революционеров, поддержка различных акций через советских агентов ГПУ³⁰. Государственный кризис 1923 года удалось преодолеть, но он оставил после себя тяжелую травму.

Глава III.

Распад Веймарской республики

§ 1. Споры немецких историков об особенностях мирового экономического кризиса, о политике канцлера Г. Брюнинга и “меньшего зла” СДПГ

Историки ФРГ в своих книгах и статьях до сих пор пытаются описать и объяснить, как стало возможным, что в 1933 году великий культурный народ с высокоразвитой цивилизацией по собственной воле предоставил себя в распоряжение группы фанатиков, изголодавшихся по власти, фюрер которой на протяжении многих лет открыто излагал свои радикальные цели и почти не оставлял сомнения в тоталитарном характере своего будущего господства. Путь, приведший к 30 января 1933 года, поднимает центральный для нашей эпохи вопрос, а именно: как в парламентарном, правовом и конституционном государстве дело доходит до установления тоталитарной диктатуры? Возникают и другие вопросы: где лежат причины крушения германской демократии? Был ли ее крах неизбежным и были ли какие-то альтернативы этому исходу? Кто несет ответственность за распад Веймарского государства? Почему такой человек, как Гитлер, мог приобрести тотальную власть?

Исследователи и раньше и сейчас дают различные ответы. При критической оценке оказывается, что простое объяснение невозможно. Невозможно также выделить лишь одну главную причину падения республики или формулу причин. Либеральный историк К.Д. Брахер справедливо пишет, что слишком простым было бы объяснение, согласно которому Веймарская республика если и не с самого начала, то с точки зрения длительной перспективы была обречена на крушение, потому что она характеризовалась тяжелыми структурными ошибками, которые происходили из незавершенной революции или сильной преемственности до-

демократических элементов в государстве и обществе¹. Это мнение маститого историка разделяют многие современные исследователи. Брахер отмечает, что в исторической литературе имеется семь различных образцовых объяснений: экономическое объяснение чересчур односторонне акцентирует внимание на мировом экономическом кризисе; институциональное обоснование также недостаточно, поскольку во всем виноваты недостатки конституции. Другие объяснения переоценивают социологическое толкование о нестабильном положении мелкой буржуазии или идеологическую дедукцию из авторитарной традиции Германии. Не менее односторонним является марксистско-антикапиталистическое обоснование об исторически неизбежном кризисе или массово-психологическом подчеркивании роли пропаганды и массового внушения. Наконец, личностное объяснение говорит исключительно о выдающейся роли личности в кризисных ситуациях². Брахер верно указывает, что каждое в отдельности вышеприведенное объяснение недостаточно глубоко и всесторонне проникает в суть проблемы и лишь вводит в заблуждение.

Размышляя о судьбе республики, большинство историков приходит к выводу, что события 1929 - 1930 годов имели огромное значение и определили, в сущности, главное направление по пути к катастрофе. Речь идет о мощной националистической кампании реакционных и консервативных сил против репарационного плана Э. Юнга, о начале мирового экономического кризиса и его последствиях, о свержении правительства "большой коалиции" в марте 1930 года. Грандиозный кризис 1929 - 1933 годов потряс Веймарскую республику, вызвал необычайное обострение экономических и социальных проблем, всеобщее недовольство, массовую безработицу и разорение, небывалую поляризацию политических сил, привел к радикализации масс, что нанесло буржуазной демократии смертельный удар. Кризис стал одной из главных причин краха республики. В отличие от большинства других стран, которых экономический кризис коснулся менее жестоко, в Германии он перерос в "тяжелый государственный кризис"³. Социально-психологическое воздействие экономического кризиса было не менее опустошительным. Чувство неуверенности охватило все население, породило страх, отчаяние,

пессимизм и всеобщее настроение надвигающейся катастрофы. Это позволило противникам республики справа и слева развязать против нее с надеждой на успех безудержную агитацию, использовать в своих политических целях глубокую потерю доверия к республиканским учреждениям и правящим партиям, широко распространенное скрытое и открытое чувство обиды в отношении парламентской демократии. В ходе кризиса, пишет Кольб, стало видно, на каком слабом фундаменте покоится веймарская демократия. По мнению Д. Пойкерта, кризис выявил провал политического эксперимента. И в этом лежит его исключительность в Германии⁴. Кризис, продолжает он, окончательно доказал, что со времени первой мировой войны Германия вступила в полосу нестабильности, в которой старые ценности утратили свою силу, а новые политические и социальные ориентиры еще не утвердились. Кризис лишил всех надежд, и он разрушил у миллионов индивидов любую осмысленную перспективу. Началось паническое бегство из “системы Веймара”⁵. Действительно, Германия оказалась единственной высокоразвитой индустриальной страной, где в ходе мирового экономического кризиса демократия признала себя побежденной и была заменена тоталитарной диктатурой справа. Согласимся с мнением К.Д. Брахера, который писал, что не экономические причины, а формы и последствия политического реагирования на кризис являются центральной проблемой, чтобы очертить вопрос, почему в Германии случилось так, а не иначе, - но не должно было неизбежно случиться⁶.

Как видно, говоря об экономическом кризисе, историки обращают основное внимание на его политические последствия. По выражению Д. Пойкерта, “истинное значение экономического кризиса раскрывается в его влиянии на политику”⁷. Он обострил кризис парламентаризма, наметившийся уже ранее. Результатом этого стало устранение практики парламентских коалиционных кабинетов. Экономический кризис явился катализатором краха политической системы, которая уже утратила доверие народа⁸. Пойкерт полагает, что признаки серьезного недовольства демократической системой и желание ее замены стали наблюдаться в обществе еще в годы временной стабилизации (1924 - 1929).

Немецкие историки разных взглядов и направлений, пожалуй, единодушны в том, что с падением 27 марта 1930 года

“большой коалиции”, возглавляемой социал-демократом Г. Мюллером, был нанесен сильнейший удар по парламентской демократии, началась ее фаза распада. Это событие фактически стало решающим поворотным пунктом в развитии республики, усилившее скрытый кризис парламентаризма, переросший в агонию республики. Кстати, во время дискуссии на коллоквиуме по вопросу о конце Веймарской республики, проведенном 23 - 26 января 1991 года во Фрайбурге проф. Г.А. Винклером вместе с учеными из других стран, многие историки (К. Шёнхофен, Г.Д. Фельдман, А. Никольс, П. Крюгер и др.) отмечали, что развал “большой коалиции” был важным этапом на пути к диктатуре Гитлера, функционирующая парламентская демократия закончилась 27 марта 1930 года, затем последовали преобразования политической системы в авторитарном направлении, планомерное исключение из имперской политики самой крупной партии - СДПГ, поиски радикального и одновременно авторитарного массового базиса⁹.

Анализ работ западногерманских исследователей показывает, что многие из них вину за крах “большой коалиции” частично возлагают и на лидеров СДПГ. Допустив серьезную ошибку и просчет, они под давлением свободных профсоюзов не приняли тогда компромиссное предложение Г. Брюнинга и покинули правительство. Если бы этого не произошло, пишет Винклер, социал-демократы могли бы отложить спор о реформе страхования по безработице, продлить деятельность кабинета Г. Мюллера на несколько месяцев, до осени 1930 года, и избежать еще раз “само-разрушения парламента”¹⁰. Таким образом, “большая коалиция” все равно была обречена, но пасть она должна была не обязательно в конце марта 1930 года. Единственное, что могли сделать социал-демократы, - это самим не уходить из коалиции, то есть самим не быть ответственными за их удаление от власти. Социал-демократия не попала бы в роковое положение. Она сама несет ответственность за то, что после 27 марта 1930 года ее влияние стало падать.

С другой стороны, Винклер приходит к выводу, что падение “большой коалиции” не было неизбежным событием. Главные архитекторы смены власти находились на правом крыле правительственного лагеря в окружении рейхспрезидента

П. Гинденбурга и руководства рейхсвера. Немецкая народная партия, Центра, остэльтское юнкерство, крупная буржуазия несут большую ответственность за развал “большой коалиции”, чем социал-демократы и свободные профсоюзы¹¹. Все они хотели разрыва с СДПГ и перехода от парламентской демократии к президиальной системе. Поэтому Винклер выступает против ложного тезиса о “самоотказе от веймарской демократии”, особенно это касается весны 1930 года. Он возлагает огромную вину за свержение правительства Мюллера на Народную партию, которая не раз пыталась взорвать “большую коалицию” и, следовательно, стабильность веймарской демократии. Эта партия, констатирует автор, после смерти Г. Штресемана (октябрь 1929 г.) сошла с либеральных позиций¹². Винклер критикует буржуазные партии за то, что они путем усиления президентской власти надеялись не только на политическую стабильность, но и на оздоровление экономики. Кроме того, лидеры этих партий полагали, что социальный кризис можно преодолеть путем отказа от парламентской демократии. В общем, по его мнению, парламентская демократия потерпела неудачу уже к моменту, когда канцлером стал консервативный деятель партии Центра Г. Брунинг (30 марта 1930 г.). После развала “большой коалиции” переход к открытой президиальной системе был только вопросом времени. Таким образом, усеченная форма веймарского парламентаризма продолжала существовать еще до конца мая 1932 года¹³.

Э. Кольб обвиняет парламентскую фракцию СДПГ в “политической близорукости” и в “тактически неумелой” ее деятельности во второй половине марта 1930 года. Самоисключением из имперской политики СДПГ облегчила своим политическим противникам выбор того курса, на который уже была переведена стрелка. Рейхспрезидент Гинденбург, продолжает он, уже давно покровительствовал образованию любой ценой правого буржуазного правительства и, если потребуется, без и даже против парламента. С отставкой кабинета Мюллера часы для реализации этих намерений, для перехода к авторитарному президентскому режиму пробили¹⁴. Кольб считает, что на рубеже 1929 - 1930 годов начался процесс дезинтеграции политической системы Веймарской республики, а с 1930 года он систематически ус-

корялся с целью лишить парламент власти, исключить социал-демократию из политической ответственности и трансформировать парламентскую демократию в авторитарное государство, контролируемое правыми политическими силами¹⁵. Этот процесс форсировался самим президентом Гинденбургом, его личным окружением, руководством рейхсвера, а также был поддержан влиятельными экономическими кругами, промышленными и аграрными союзами, правыми буржуазными партиями. Эффективную публицистическую помощь, пишет Кольб, оказали идеологи так называемой “консервативной революции”, которые связали свои резкие атаки на либерализм, демократию и парламентаризм с призывом к сильной личности вождя и авторитарному государству¹⁶. Таким образом, утверждает Кольб, в 1930 году произошел роковой переход парламентской правительственной системы к президентскому режиму, который планировался давно и был подготовлен тщательно. В этой связи он опровергает точку зрения К.Д. Брахера, будто в Германии во время президентских кабинетов 1930 - 1933 годов произошла “потеря власти” и существовал “вакуум власти”. Скорее всего в эти годы происходил сдвиг власти в сторону президентских структур, которая постоянно расширялась, равно как и к внепарламентским носителям власти, прежде всего рейхсверу и бюрократии¹⁷. Кстати, Кольб возлагает большую ответственность за крушение республики на политическую юстицию. Многие судьи со своей политической и социальной ментальностью, которая сформировалась в вильгельмский период, сомневались в легитимности нового порядка. Они открыто выражали свою антипатию к республике и ее носителям в многочисленных приговорах¹⁸.

Мнение Кольба разделяют другие историки. Пойкерт открыто пишет, что в 1930 году власть взяли могильщики республики и в смысле своих целей проводили кризисную политику¹⁹. Основной политический компромисс Веймарской республики, констатирует Лонгерих, соглашение между умеренными социал-демократами и буржуазией в 1930 году окончательно исчерпал себя²⁰. Историк М. Функе верно замечает, что падение “большой коалиции” и президентское правление привели веймарский парламентаризм к быстрой эрозии и к агонии - республику. Суматошный характер периода 1930 - 1933 годов, острейшее

экономическое положение, распад всех ценностных структур породили у некоторых современников явное чувство надвигающейся катастрофы²¹. И действительно, в годы канцлерства Г. Брюнинга (март 1930 - май 1932 г.) эта эрозия шла быстрыми темпами. Сокращалось количество заседаний рейхстага, все меньше им принималось законов. Напротив, с каждым годом увеличивалось число президентских чрезвычайных декретов. В той мере, в какой рейхстаг терял власть, влияние и престиж, в той же мере обособлялась исполнительная власть. У рейхстага в период кризиса была отнята обязанность поиска компромиссов и конструктивной политики. Канцлер Брюнинг, подчеркивает Брахер, летом 1930 года досрочно распустил парламент, который не хотел следовать по пути авторитарной политики чрезвычайных декретов, и, таким образом, окончательно ограничил его ролью учреждения, которое терпят и которое не должно мешать правительству. Так рейхстаг стал действительно недееспособным, в то время как президиальный кабинет, с самого начала не представлявший волю населения, еще сильнее стал восприниматься как чуждое бюрократическое тело²². Следует добавить, что с роспуском рейхстага 18 июля 1930 года начался постоянный взлом конституционной системы через диктаторскую власть имперского президента, который обратился со своим первым мероприятием против ограничений, налагаемых конституцией.

В этой связи историки спорят о том, как воспринимать президиальную форму правления, как она отразилась на политической ситуации в Германии, был ли переход к антипарламентской форме правления закономерным следствием кризиса парламентаризма, проявившимся ранее. Высказываются различные точки зрения. Г. Моммзен, например, считает, что поворот к авторитарному режиму был идеологически уже давно подготовлен неоконсервативной литературой, начиная с О. Шпенглера, А.М. ван ден Брука и программы правого крыла крайне консервативной Немецкой национальной народной партии. Однако только в связи с поворотом крупных промышленников и аграрных союзов против парламентской системы, который начался с образования кабинета "большой коалиции" после майских выборов в рейхстаг 1928 года, идеологическое наступление правых нашло большой политический резонанс²³. Это мнение разделяет историк

Э. Экель²⁴. Во время дискуссии на коллоквиуме во Фрайбурге 23 - 26 января 1991 года Г. Моммзен высказал суждение, что формальное упразднение Веймарской конституции произошло не после 1933 года. Политически парламентская система Веймара окончательно потерпела неудачу начиная со второго кабинета Брюнинга (октябрь 1931 г.)²⁵. Среди участников коллоквиума эта точка зрения не нашла поддержки. Э. Кольб, наоборот, считает, что явная неспособность функционирования парламентской системы Веймара выявилась с середины 1932 года²⁶. К этому времени она была выхолощена президентскими кабинетами Брюнинга и особенно Ф. фон Папена. И вообще, в период президентских правительств господствовало конституционно неустойчивое положение, в котором элементы парламентской демократии явно оттеснялись, но они все-таки продолжали действовать, так как основы Веймарской конституции не были окончательно упразднены.

Г.А. Винклер также пишет о том, что распад правительства "большой коалиции" и переход к новой политике президентских кабинетов назрел уже давно. Это было обусловлено желанием не только большей политической стабильности, но также надеждой на выздоровление экономики, что президентская система более приемлема в условиях экономического кризиса²⁷. Частые правительственные кризисы ослабляли парламентскую демократию и дискредитировали коалиционную политику. Поэтому, отмечает автор, длительный кризис германского парламентаризма привел к тому, что даже в среде буржуазного центра эта система уже едва находила убежденных сторонников. Даже среди социал-демократов было настолько сильно недовольство коалиционной политикой, что большинство в марте 1930 года предпочло ужасный конец мнимому ужасу без конца²⁸. Свои рассуждения о кризисе немецкого парламентаризма Винклер связывает с кризисом европейского парламентаризма в межвоенный период. Это был скорее европейский феномен. Дело в том, что в Германии он принял радикальные формы, и это было тесно связано с противоречивым наследием полуабсолютистского монархического режима: из периода до 1918 года пришло не только распространенное предубеждение в отношении западной демократии, но также массовая претензия на политическое участие в форме всеобщего из-

бирательного права²⁹. Винклер дает негативную оценку президиальной системе правления. По его мнению, президентские правительства и режим чрезвычайных полномочий превратили парламентаризм в голый фасад, в фарс. Уже в июне 1930 года не было никакой возможности спасти парламентскую демократию. Вследствие этого национал-социалисты получили исключительный шанс: они смогли выдавать себя за поборников интересов политически бесправного народа и предложили “государство-фюрера” в качестве альтернативы как прогнившей демократии и партийному господству, так и бюрократической президиальной системе³⁰. При этом большую ответственность за трагическую судьбу республики Винклер возлагает на рейхспрезидента П. Гинденбурга, монархиста, бывшего кайзеровского фельдмаршала, питавшего глубокую неприязнь к буржуазно-парламентской системе. Его избрание президентом весной 1925 года характеризовалось чувствительным поражением демократической республики и явилось несомненным шагом назад по сравнению с Веймаром 1919 года. Первый плебисцит стал вотумом недоверия республике³¹. То, что произошло весной 1925 года, констатирует автор, было консервативной перестройкой республики. После 1925 года она стала консервативной. Можно согласиться с Винклером и в том плане, что избрание Гинденбурга президентом означало усиление позиций крайне консервативных, реакционных, антидемократических и антиреспубликанских сил.

Эти суждения разделяются многими историками. Они справедливо подчеркивают, что Гинденбург и его советники, прежде всего О. Мейсснер и генерал К. Шлейхер систематически использовали слабости парламентского создания правительства для того, чтобы расширить президентские полномочия как конкурирующий центр власти³². Отсюда открыто или скрыто исходили попытки передвинуть политическую ось республики вправо, усилить элементы авторитарной правительственной основы и создать предпосылки для соответствующего изменения конституции³³. Очень рано стало очевидным, что огромное значение для Гинденбурга имела статья 48 конституции, согласно которой президент получал неограниченную власть. Ее иногда называют “статьей о диктатуре”. Характерно, что Гинденбург,

как президент, блокировал все попытки уточнить эту статью, чтобы сохранить себе свободу рук. Можно себе представить, что в итоге политические события в Германии, особенно после 1930 года, вероятно, протекали бы иначе, если бы республику не возглавил воинствующий монархист Гинденбург, ставший ее мотыльщиком.

По утверждению некоторых историков (М. Фогт, М. Брошат), отказ от парламентаризма отвечал общему политическому настроению, а сословное государство как идеал противопоставлялось партийному. Так, Брошат пишет, что кризис коалиционной политики наметился еще до начала мирового экономического кризиса, в период временной стабилизации капитализма. Время экономического процветания сделало наиболее заметными негативные стороны парламентаризма: быструю смену правительств, зависимость министров от позиции своих партий и обусловленную этим слабость коалиционных кабинетов, чрезмерное выпячивание каждой партией интересов именно своего сословия и связанную с этим утрату правительствами своего авторитета. Вследствие этого в среде буржуазии укрепилось убеждение, что партийное государство обанкротилось³⁴. Брошат считает, что авторитарная перестройка конституционной системы через президентские правительства с конца марта 1930 года предоставила новые шансы, прежде всего в первый год канцлерства Г. Брюнинга, для стабилизации государственной власти в противовес экстремизму справа и слева³⁵. Правда, в книге «Государство Гитлера» Брошат делает упор уже на отрицательные последствия президиальной формы правления. Она усилила влияние и сделала истинными хозяевами положения консервативные силы старой Германии: рейхсвер, бюрократию, крупных промышленников, восточно-эльбских помещиков, а они уже привели к власти Гитлера³⁶. Брахер также указывает на то, что в 1930 - 1932 годах авторитарно управляемое, дистанцирующееся от общественности президиальное правительство только усиливало тягу к радикализму, так как для общественности влияние на политику через демократические партии и парламент казалось теперь все менее возможным³⁷. По его мнению, президиальные кабинеты сыграли негативную роль в судьбе Веймарской республики.

Многие историки видят в президиальных кабинетах упущенную возможность уберечь Германию от национал-социалистического режима. И связывается она с правлением канцлера Г. Брюнинга. В нем усматривают последнюю надежду на спасение республики, поэтому его личность и правление вызывают споры и неизменный интерес ученых. Они верно считают, что альтернативы краху республики существовали вплоть до 30 января 1933 года. Брюнингу как политику даются разные оценки.

Все исследователи справедливо отмечают, что высшим приоритетом в политике Брюнинга было полное уничтожение репараций. Для этих целей им был использован кризис, и он сознательно его обострял. Канцлер не боролся ни с безработицей, ни с экономическим кризисом. Как почти для всех немецких политиков из рядов буржуазных партий, так и для Брюнинга речь шла в период кризиса о том, как преодолеть “систему Версаля” и вновь вернуть Германии статус полноправной континентальной державы³⁸. Брюнинг проводил дефляционную политику, несмотря на ухудшение экономического положения и воинствующий подъем антиреспубликанских партий. Политика неприкрытой нищеты должна была подтвердить за границе неспособность Германии и дальше платить репарации³⁹. Винклер назвал это политикой “морального шантажа”. Хотя он признает, что экономическая политика Брюнинга до конца 1931 года была правильной. Она базировалась на широкой общественной поддержке. С начала 1932 года появляется возможность активной конъюнктурной политики. Однако Брюнинг не изменил свой экономический курс. Практически, отмечается в ряде работ, своей политикой Брюнинг приучил немецкий народ к диктатуре⁴⁰. Концепция Брюнинга включала в себя элементы британского конституционализма, бисмарковского режима и модернистского заимствования у Б. Муссолини. Однако его стратегия, по выводу историка М. Функе, в общей сложности оказалась несостоятельной⁴¹.

Винклер полагает, что Брюнинг являлся одновременно и сильным, и слабым канцлером в истории Веймарской республики: сильным потому, что был независим от рейхстага, как ни один из его предшественников, слабым потому, что он, как никакой другой канцлер, был зависим от благосклонности рейхспре-

зидента. Эта зависимость от Гинденбурга не оставила ему с самого начала возможности стать архитектором “консервативной альтернативы”⁴². Винклер, таким образом, разделяет точку зрения тех историков, которые видят в Брюнинге представителя консервативной альтернативы национал-социалистической диктатуре. В целом автор скептически воспринимает заявление Брюнинга, что он стремился реставрировать монархию Гогенцоллернов. В своей работе Винклер рассуждает о том, что парламентская демократия в Германии была попыткой упразднить противоречие между новыми экономическими и культурными тенденциями, с одной стороны, и отсталостью политической системы, с другой. В своем развитии Германия должна была достигнуть своего политического и демократического уровня, подобно Западной Европе. Но восстановление “бюрократического государства власти” при Брюнинге свидетельствовало о провале попыток такой модернизации⁴³. По убеждению Винклера, политика Брюнинга была исторически необходима, и только его свержение в конце мая 1932 года стало началом пути к катастрофе. Закончилась умеренная фаза президиальной системы, перешедшая с приходом Ф. фон Папена в авторитарную фазу. Падение правительства Брюнинга было глубоким историческим переломом. Люди, которые окружали Гинденбурга, не думали о защите и реформе веймарской демократии, они стремились к ее дальнейшей постепенной ликвидации. Для этих планов нужен был другой политик, более правых взглядов, чем Брюнинг⁴⁴.

Весьма негативно оценивает политику Брюнинга историк Д. Пойкерт. Канцлер Брюнинг и президент Гинденбург положили начало далеко идущему президентскому антипарламентскому господству. Брюнинг своей внутренней и внешней политикой заранее исключил продолжение кризиса, и ему пришлось смириться с его обострением⁴⁵. Распуск рейхстага летом 1930 года означал отказ от принципов, на которых строилась Веймарская республика. Предусмотренный конституцией дуализм власти рейхстага и рейхспрезидента был нарушен. Теперь парламент исключался из этой системы. Все возможности законодательной власти влиять на ход событий были блокированы президентскими полномочиями на основании статьи 48 имперской конституции. По сути, возникла новая политическая ситуация. Распуск парла-

мента, пишет Пойкерт, был лишь первым шагом на пути установления полного президентского всевластия⁴⁶. Автор критикует и экономическую политику Брюнинга. Он считает, что его правительство бездействовало по той причине, что канцлер хотел использовать кризис для осуществления своих внешнеполитических целей. Тактическое коварство Брюнинга, его игра с закрытыми картами, а также бесчисленные политические колебания в 1930 - 1932 годы показали современникам контуры политического поворота, а именно “контуры авторитарного поворота”⁴⁷. “Политика авторитарного поворота”, продолжает он, опиралась на широкое согласие со старой государственной и общественной элитой, направленной на упразднение республики с ее основными компромиссами, достигнутыми в 1918 году. Из-за бездействия правительства Брюнинга безработица и обнищание воспринимались населением без всяких признаков надежды. Это объясняет обращение отчаявшихся людей к радикальным партиям: КПП и НСДАП, “носительницам надежды”. Поражает другое, что лидеры государства совсем не думали о защите республики от нацизма.

По мнению Пойкерта, Брюнинг запутался в тонко натянутых нитях своей политической тактики. В конце концов, он не оказался идеальным протагонистом президиального режима. Своей политикой Брюнинг сам подорвал свои позиции. 1932 год стал агонией президиальных правительств, разложение власти якобы переросло в “вакуум власти”. Экономический и политический кризис, который был использован Брюнингом как удобное средство для разрушения Веймарской республики, теперь повернулся в своем проявлении против политиков “авторитарного поворота”. В 1930 году власть взяли могильщики республики и для осуществления своих целей проводили кризисную политику. В 1932 году кризис, который они сами стремились углубить, опрокинул их расчеты и манипуляции⁴⁸. Заключая свой анализ, Пойкерт констатирует, что концепция “авторитарного поворота” была успешной при разрушении республики, а антиреспубликанский массовый поток был использован Гитлером в пользу своей партии⁴⁹. Причем Пойкерт не придерживается бытующего среди историков мнения, что канцлер Брюнинг был последним защитником демократии. Он не проводит грань между канцлером

Брюнингом и Ф. фон Папеном. Оба в равной мере трудились над построением нового или, вернее, старого авторитарного государства. Старания обоих канцлеров были направлены на то, чтобы ликвидировать социальные завоевания Ноябрьской революции, изменить конституцию, отстранить парламент от принятия решений и оставить за ним лишь чисто контрольные функции. Судьба самих канцлеров всецело зависела от воли рейхспрезидента. Обособление исполнительной власти и устранение конкурирующей законодательной имело негативные последствия. Она стала все более зависеть от камарильи Гинденбурга. Не случайно планы установления авторитарного строя по образцу Бисмарка у Брюнинга воплотились в идее восстановления монархии Гогенцоллернов, а у Папена - в проектах "нового государства"⁵⁰. Так что смещение Брюнинга, по мнению Пойкерта, было закономерным следствием авторитарного курса. Тем не менее Пойкерт и другие историки признают, что Брюнинг хотел воспрепятствовать нацистской диктатуре, так же как и повторению коммунистического мятежа 1919 и 1923 годов. При этом подчеркивается, что канцлер переоценивал угрозу, исходящую от коммунистов, и недооценивал опасность национал-социализма.

Одной из наиболее спорных проблем истории республики этого периода является решение руководства СДПГ в октябре 1930 года о поддержке непопулярной социальной и экономической политики правительства Г. Брюнинга, полагая, что партия тем самым преграждает путь к власти нацистам и отстаивает важнейший бастион власти - Пруссию. СДПГ и свободные профсоюзы допускали возможность "скрытой диктатуры" Брюнинга, чтобы в результате предотвратить "наихудшее"⁵¹. Сразу скажем, что СДПГ дорого заплатила за политику "терпимости" и "меньшего зла" в отношении Брюнинга: ослаблением влияния партии, дискредитацией себя в глазах избирателей и части своих членов. А кроме того, такая политика исключила партию из "внепарламентской борьбы за мобилизацию масс". Для СДПГ это было тяжелейшим испытанием.

В работах западногерманских историков высказываются диаметрально противоположные суждения по вопросу о причинах, сути и последствиях политики "терпимости". Большинство из них старается оправдать ее, и в этой связи приводятся различ-

ные аргументы и доказательства. Э. Экель и М. Брошат пишут о том, что, благодаря выбранному курсу, СДПГ продолжала косвенно влиять на правительство и возглавлять “веймарскую коалицию” в Пруссии, а пассивный союз между Брюнингом и социал-демократами действительно сдерживал деструктивную политику право- и леворадикальных партий в рейхстаге⁵². Г. Винклер и К. Шёнхофен также утверждают, что СДПГ вынуждена была парламентским путем поддержать канцлера Брюнинга. Это была обоюдная сделка, исходившая из прагматических и принципиальных соображений: в обмен на поддержку имперского правительства СДПГ сохраняла коалицию с партией Центра в Пруссии и власть, чтобы эффективно бороться с нацистами. Политика “терпимости” являлась как легально-государственная оборонительная политика, как стратегия, которая, с одной стороны, учитывала фактор времени, а с другой - защищала на земельном уровне федералистский бастион республики от нападения национал-социализма⁵³. Политика “терпимости”, продолжает Шёнхофен, отрицала насилие и генеральную стачку. Отказ от нее привел бы к дестабилизации республиканского строя. Он не принимает упрек тех исследователей, которые “стратегию толерантности” называют “стратегией ничегонеделания”, которая не достигла своей принципиальной цели⁵⁴.

Винклер, говоря о политике “меньшего зла”, считает, что она не имела альтернативы. Социал-демократы взяли на себя огромную ответственность за жесткий дефляционный курс Брюнинга и связанное с этим социальное обнищание, а также за националистическую политику канцлера, проводимую им в вопросе германских репараций. Если бы СДПГ на имперском уровне разорвала контакты с Брюнингом, то была бы большая вероятность быстрого свержения О. Брауна в Пруссии. В этом случае социал-демократы потеряли бы прусское министерство внутренних дел и контроль над прусской полицией, важнейшее государственное средство власти в борьбе против нацизма. Итак, по утверждению автора, главное содержание политики “терпимости” заключалось в том, что правительство Брюнинга не допустит национал-социалистов к власти⁵⁵. Правда, он упрекает Брюнинга в том, что тот и пальцем не пошевелил, чтобы укрепить позиции прусского правительства под руководством Брауна, и рассчитывал в недале-

ком будущем использовать финансовый крах Пруссии для начала имперской реформы на своих условиях. С сожалением Винклер констатирует и тот факт, что чем дольше продолжалась политика “терпимости”, тем отчетливее становились ее отрицательные последствия, и нацисты постарались извлечь пользу для себя, поскольку СДПГ как оппозиция не могла выступить против политики Брюнинга. НСДАП изображала себя в качестве единственной сильнейшей оппозиционной партии справа. Как показали события в Германии, политика “терпимости” не смогла сдержать массового притока в НСДАП, а скорее вызвала обратное. По определению Винклера, после того как парламентская фракция СДПГ высказалась 3 октября 1930 года за поддержку канцлера Брюнинга, начинается фаза умеренной президиальной системы, и она продолжалась до свержения Брюнинга 30 мая 1932 года. После этого наступил ее конец и началась открыто антипарламентская фаза⁵⁶. Таким образом, автор подчеркивает “глубокое различие” между правительством Брюнинга и двумя следовавшими за ним кабинетами - Папена и Шлейхера.

Ряд историков ФРГ (М. Фогт, Д. Пойкерт, Р. Хофман) негативно оценивают деятельность СДПГ в указанный период. Так, Д. Пойкерт не без основания пишет, что канцлер Брюнинг стремился к реставрации авторитарного государства и немало сделал для подрыва позиций республики. Следовательно, СДПГ невольно помогала ему в этом⁵⁷. Венцом социал-демократической политики “терпимости” было переизбрание П. Гинденбурга президентом на второй срок весной 1932 года. Гинденбург, продолжает Пойкерт, победил благодаря поддержке социал-демократов. Однако стало ясно, что авторитарный курс в высококомобильном и сверхполитизированном современном обществе, как немецкое начала 30-х годов, не выдержит испытаний без широкого избирательного базиса⁵⁸.

Свою оценку политике СДПГ, отличную от многих других историков ФРГ, дает известный специалист по новейшей истории Германии И. Петцольд. В своих последних работах и дискуссиях он резко критикует лидеров СДПГ за их поведение весной и летом 1932 года. Правда, Петцольд откровенно говорит и об ошибках и просчетах немецких коммунистов, особенно тельмановского ЦК Компартии, о пагубном влиянии ИККИ на

политику и тактику КПП и роли тех представителей, которые находились в Москве. Автор не скрывает своего убеждения и в дискуссиях со своими коллегами доказывает, что политика “терпимости” была фальшивой концепцией. Она не могла противостоять политической гибели республики. Было бы странно не замечать, что именно с Брюнинга начался отход от парламентаризма и, следовательно, от основных принципов Веймарской конституции⁵⁹. Петцольд считает, что СДПГ допустила серьезный просчет во время президентских выборов весной 1932 года, когда призвала голосовать за Гинденбурга. Этот призыв показал гораздо большее: во-первых, как безальтернативна оказалась политика германской социал-демократии; во-вторых, как велик был ее самообман⁶⁰. Он увязывает поведение СДПГ во время президентских выборов с ее пассивной позицией в момент государственного переворота в Пруссии 20 июля 1932 года. Это было не иначе как следствие президентских выборов Гинденбурга. Беспомощность лидеров СДПГ во время президентских выборов и государственного переворота как будто была запрограммирована, так как социал-демократия не принимала долгосрочных мер. Ее руководители просто забыли знаменитое крылатое изречение: “Кто владеет Пруссией, тот владеет рейхом”⁶¹.

Как нам кажется, Петцольд пытается дифференцированно подойти к утверждению, что Веймарская республика была разрушена политическими силами слева и справа. Он признает, что немецкие коммунисты без сомнения содействовали ослаблению веймарской государственной системы и при всех субъективных противоречиях порой объективно действовали на руку правым⁶². Но, поясняет автор, масштаб ответственности между левыми и правыми был все же различным. В этой связи Петцольд критикует Г. Винклера, Г. Моммзена и других историков за необъективную оценку КПП в последние годы Веймарской республики, которая, по их мнению, причастна к падению республики, так как она была в оппозиции к ней и боролась против тех, кто хотел сохранить жизнь веймарской демократии. Но в таком случае, возражает автор, мы должны критиковать СДПГ и вообще “веймарскую коалицию”, потому что им не хватило готовности защитить парламентаризм и демократию⁶³. Во время дискуссии по проблемам государственного кризиса 1930 - 1932 годов в ян-

варе 1991 года Петцольд упрекнул присутствующих коллег за убеждение, что гибель Веймарской республики была якобы неизбежной и вряд ли можно было удержать национал-социалистов от захвата власти. Сам автор полагает, что все зависело от понимания таких факторов, как развал “большой коалиции”, шумный успех НСДАП на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 и в 1932 году, провоцируемых Брюнингом и Папеном, растущая враждебность между двумя рабочими партиями - все это свидетельствовало об уменьшающейся возможности воспрепятствовать развитию в пользу установления фашистской диктатуры⁶⁴.

Много внимания Петцольд уделяет взаимоотношению СДПГ и КПП. Он пишет, что антифашистский союз двух рабочих партий, при одновременной доктрине социал-фашизма, был невозможен⁶⁵. Причина такой невозможности заключалась еще и в том, что на VI конгрессе Коминтерна (1928 г.) победу одержали сторонники ультралевого радикализма и началась так называемая сталинизация КПП⁶⁶. При этом автор указывает на острую борьбу этих партий за влияние на рабочие массы, причем каждая партия старалась отнять сторонников друг у друга. КПП ставила задачу заручиться поддержкой социал-демократических рабочих своей политики и наоборот.

Конечно, взгляды Петцольда не разделяют многие западно-германские историки. Они считают, например, что демократы и прежде всего СДПГ проголосовали за убежденного монархиста Гинденбурга, верно оценив политическую ситуацию, возможные последствия президентских выборов и стремясь не допустить избрания Гитлера на пост президента. А угроза его избрания была вполне реальной, если бы ему не была противопоставлена фигура Гинденбурга. Откажись социал-демократы весной 1932 года поддержать Гинденбурга, президентом стал бы Гитлер, и тогда 10 апреля 1932 года было бы началом “третьего рейха” в германской истории. Поэтому решение СДПГ было последовательным и означало триумф линии, выбранной ею в октябре 1930 года, - удержать нацистов через политику “меньшего зла” от власти⁶⁷. Не случайно итог президентских выборов СДПГ расценила как успех своей политики. При этом Винклер обвиняет КПП в том, что она выставила кандидатуру Э. Тельмана на президентских

выборах, чтобы довести до сознания рабочих характер СДПГ, как умеренного крыла фашизма - "социал-фашизма".

В новейших работах Г. Винклера, К. Шёнхофена и других историков деятельность КПП огульно осуждается. Они обвиняют ее в расколе рабочего движения, видя в этом одну из причин крушения республики. Эта партия выступала за разрушение веймарского государства и его институтов. По их мнению, после выборов в рейхстаг в сентябре 1930 года, на которых компартия одержала крупную победу, в буржуазных кругах Германии КПП рассматривалась как опаснейшая партия, и коммунисты сделали все, чтобы оправдать это впечатление. Они открыто признавали свои путчистские намерения, а лидеры СДПГ считали компартию более опасной, чем НСДАП. Чем сильнее становились коммунисты, тем больше рос страх перед гражданской войной, перед "красной" революцией. И этот страх гнал многих избирателей в лагерь "коричневой" реакции⁶⁸. По существу, пользу из этого страха извлекла антимарксистская и националистическая партия, которая являла собой истинную партию порядка и одновременно - партию радикального обновления. Винклер считает также, что КПП в собственных интересах использовала социал-демократическую политику "терпимости". Она старалась дискредитировать СДПГ, поскольку та поддерживала "диктатора голода" Брюнинга. И это служило желанным подтверждением правоты ее тезиса: "социал-фашисты" активно содействуют процессу фашизации Германии, в то время как они, коммунисты, являются единственными последовательными антифашистами. Голоса, которые переходили от СДПГ к КПП, косвенно шли на пользу Гитлеру. Антифашистский союз СДПГ и КПП, утверждает автор, был исключен, как как КПП выступала за свержение существующего строя, а СДПГ, как партия классового компромисса, отвечала за судьбу республики больше, чем любая другая партия. Поворот социал-демократов влево отпугнул бы большую часть собственных сторонников и усилил бы массовый переход к НСДАП⁶⁹.

С этим мнением солидарен Шёнхофен, отзываясь о политике компартии более резко. Как он пишет, фронтальное наступление КПП на СДПГ с 1929 года имело саморазрушительные последствия для нее и привело к изоляции как от классовосознательного,

так и от демократически настроенного ядра промышленного пролетариата, превратив ее в партию безработных. “Братоубийственная борьба” двух рабочих партий приняла в последние годы Веймарской республики уродливый характер и трагические очертания, так как все попытки союза были доведены до абсурда. В конце концов восторжествовала национал-социалистическая контрреволюция над рабочим движением, проявившим неспособность к единству. В своем наступлении на республику КПП не продвинулась ни на шаг в достижении своей цели - провозгласить Советскую Германию. Ее уверенность в победе оказалась, в результате событий весной 1933 года, “роковым самообманом”⁷⁰.

Стратегическая и концептуальная беспомощность СДПГ в период мирового экономического кризиса была очевидна. В результате политики “терпимости” она оказалась на грани политической капитуляции. Изматывающее воздействие этой политики, а также политический фатализм отразились на безразличной реакции лидеров социал-демократии на государственный переворот в Пруссии, осуществленный канцлером Ф. фон Папеном 20 июля 1932 года. Как известно, руководители СДПГ и свободных профсоюзов отказались тогда призвать своих сторонников к генеральной стачке и не организовали оборону. Важнейший бастион демократии Пруссия, где правила “веймарская коалиция”, оказалась незащищенной. Если одни историки осуждают подобное поведение СДПГ, то большинство старается оправдать позицию ее лидеров. Винклер признает, что государственный переворот в Пруссии еще больше лишил социал-демократию власти. Он был очередным шагом к отходу от демократической системы, а с другой стороны, показал миру слабость умеренных левых: СДПГ и свободных профсоюзов. Вместе с тем, государственный переворот Папена устранил не только остатки “прусской демократии”, но и само государство Пруссию. Это был не только удар против республики, но также против принципа федерализма. Поэтому недаром против Папена восстали южногерманские земли. После потери своего “оплота” Пруссии социал-демократия опустилась до уровня простого наблюдателя. Автор объясняет пассивное поведение СДПГ следствием политики “терпимости” и долголетним правлением в Пруссии в качестве ведущей партии в правительстве. Он не скрывает того, что многие современники, а позднее -

историки упрекали СДПГ и свободные профсоюзы в том, что те без активного сопротивления сдали свои позиции⁷¹. Но, продолжает Винклер, об объявлении генеральной стачки и призыве к сопротивлению нечего было и думать. Почему? Это было бы сигналом к гражданской войне. Главной же задачей для социал-демократов как раз было сорвать планы гражданской войны. Этой позиции они придерживались с 1918 года. Страх перед гражданской войной был главной причиной, почему социал-демократия и свободные профсоюзы не ответили 20 июля 1932 года призывом к насилию. Имелись и другие причины. В условиях огромной безработицы всеобщая стачка была якобы безнадежным риском, и военная проба сил с рейхсвером, СА и паравоенными союзами правых могла закончиться только кровавым поражением республиканских сил. СДПГ и рабочие все равно потерпели бы неудачу ввиду явного перевеса сил враждебного лагеря. Совместный отпор «прусскому перевороту» СДПГ и КПП исключался с самого начала из-за их непреодолимых противоречий. Кроме того, у самих социал-демократов отсутствовала воля к борьбе. После неудачных выборов в прусский ландтаг 24 апреля 1932 года СДПГ сомневалась в собственной демократической правомочности и далее оставаться у власти⁷². Итак, Винклер решительно отстаивает точку зрения, что летом 1932 года не было реальных успешных шансов защитить Пруссию, а призыв к сопротивлению против переворота Папена был бы безответственным шагом. С этим выводом о безнадежности отпора, как нам кажется, согласиться нельзя. Попытаться оказать сопротивление можно было и 20 июля, и в последующие дни.

Этими же соображениями оправдывают позицию руководства СДПГ и свободных профсоюзов историки Г. Моммзен, К. Шёнхофен, М. Шнейдер, П. Лонгерих и Э. Кольб. Ведь СДПГ, по их мнению, всегда выступала за дисциплину, порядок, законность и ненасилие. А НСДАП и КПП обе были главными противниками социал-демократов и республики. Обе использовали возможности массовой мобилизации, которые отвергало руководство СДПГ как безответственное подстрекательство и подготовку к гражданской войне. К тому же рейхсвер в отличие от путча Каппа в марте 1920 года безоговорочно поддержал государственный переворот Папена. Шнейдер и Кольб задают несколько ри-

торических вопросов. Кто мог взять в тех условиях ответственность за возможную гражданскую войну? “Рейхсбаннер” и “Железный фронт” против рейхсвера и штурмовых отрядов не имели шансов победить. Под каким лозунгом должны были участвовать в акции сопротивления 20 июля 1932 года? Экономическая и политическая ситуация летом 1932 года была совершенно иной, чем в марте 1920 года, когда речь шла об отражении удара путчистов против конституционного правительства. Была ли возможность создания единого фронта? Между 1930 и 1933 годами не было базиса для сотрудничества двух партий: СДПГ и КПП⁷³. К тому же, Кольб считает, что призыв компартии 20 июля к генеральной стачке был не иначе как пропагандистской акцией, чтобы произвести впечатление на сторонников СДПГ и по возможности перетянуть их на свою сторону на предстоящих 31 июля 1932 года выборах в рейхстаг. Автор прав в том плане, что руководство КПП бездействовало, а его призыв ко всеобщей стачке вряд ли был бы услышан. Г. Моммзен говорит даже о роковой ошибке статс-секретаря прусского министерства внутренних дел В. Аббега, члена Немецкой государственной партии, предпринявшего в июне 1932 года по собственной инициативе переговоры с коммунистами, надеясь убедить их в поддержке СДПГ и “веймарской коалиции” и общими усилиями воспрепятствовать приходу нацистов к власти⁷⁴. Правда, эта встреча Аббега с председателями парламентской и земельной фракций КПП Э. Торглером и В. Каспером закончилась безрезультатно из-за непримиримой позиции КПП по отношению к социал-демократам, как и СДПГ к компартии.

Иную точку зрения высказывают Р. Хофман и И. Петцольд, критикуя деятелей социал-демократии и свободных профсоюзов за отказ использовать в критический момент мощный потенциал народного движения. Они поражены тем, что СДПГ без всякой борьбы сдала свои позиции в Пруссии, ради которых она принесла столько жертв. Справедливо указывается на бессилие профсоюзов. “Гибели демократии” в Веймарской республике, отмечает Петцольд, пожалуй, ничто так не способствовало, как прусский государственный переворот Ф. фон Папена и отказ социал-демократов от сопротивления⁷⁵. Петцольд прав, возлагая главную вину за случившееся на СДПГ и полагая, что большие

шансы на успех имели бы превентивные меры со стороны прусского правительства, силовых структур, находившихся в его распоряжении. И этот упрек в адрес социал-демократического руководства исходил не только из рядов коммунистов. Призыв КПГ к генеральной стачке СДПГ расценила как “провокацию” и демагогический шаг, направленный на “разоблачение” ее лидеров и руководителей профсоюзов⁷⁶. В своей недавно вышедшей книге о канцлере Ф. фон Папене Петцольд приводит многочисленные примеры, когда коммунисты и социал-демократы вопреки воле и позиции официальных верхов двух партий участвовали в единстве действий, тесно сотрудничая и взаимодействуя между собой, совместно борясь против нацистов⁷⁷. Автор пишет, что КПГ была готова при выборах президиума прусского ландтага 22 июня 1932 года голосовать за кандидатов от СДПГ и партии Центра, отказаться от собственных и таким образом не допустить национал-социалистов и националистов в президиум ландтага. К сожалению, констатирует Петцольд, СДПГ и партия Центра не хотели ни при каких обстоятельствах сотрудничать с компартией. Наоборот, лидеры Центра стремились тогда к коалиции с НСДАП на парламентской основе в Пруссии и по возможности в рейхе. Согласимся с этим утверждением авторов. Особенно после выборов в рейхстаг 31 июля 1932 года усилились контакты между Центром и НСДАП. Пресса Центра писала 1 августа: “Еще два месяца назад мы хотели, чтобы НСДАП приняла участие в правительстве. Теперь это становится абсолютно необходимым. Из 10 портфелей она должна получить хотя бы четыре”⁷⁸. Петцольд считает, что с потерей социал-демократами правительственного руководства в Пруссии и контроля над прусской полицией, как решающего фактора власти, Веймарскую республику уже невозможно было спасти. После 20 июля 1932 года левые силы еще меньше противостояли окончательному разрушению республики правыми силами и совместно с буржуазными демократами отвечают за роковые последствия⁷⁹. Действительно, государственный переворот в Пруссии оказал глубокое деморализующее воздействие на СДПГ. Пассивность по отношению к национал-социалистическому “захвату власти” была через это предопределена.

§ 2. Президиальные кабинеты Ф. фон Папена и К. Шлейхера в оценке западно-германских историков

Правление двух последних канцлеров - Папена (1 июня - 2 декабря 1932 г.) и Шлейхера (3 декабря 1932 г. - 28 января 1933 г.) большинство исследователей склонны считать последовательным сползанием республики в "третий рейх". Особенно они отмечают активную деятельность Ф. фон Папена, направленную на уничтожение республики. Он сыграл крайне негативную роль в ее судьбе. Папен придерживался антиреспубликанских взглядов и способствовал приходу Гитлера к власти. Обвиненный в тайных интригах против канцлера Брюнинга и став его преемником вопреки воле руководства партии Центра, он был исключен за "измену" из ее рядов. Следует отметить, что деятельность канцлера Папена рассматривается в широком спектре крайне консервативной политики и идеологии веймарского времени. Он был идейно связан с так называемыми "неоконсервативными" группировками республики. Им были позаимствованы многие "неоконсервативные" идеи. Добавим также, что Папен являлся одним из руководителей аристократического архиконсервативного "Клуба господ". Именно в период его канцлерства он достигает своей наивысшей политической активности.

В работах западногерманских историков верно отмечается, что центральной фигурой "кабинета баронов" (так молва нарекла правительство Папена) был генерал К. фон Шлейхер, занявший пост военного министра. Папен был креатурой всемогущего генерала Шлейхера, который и не скрывал, что ему нужна "не голова, а шляпа". "Серый кардинал", как его называли, в течение многих лет плел не без успеха интриги за кулисами и теперь впервые предстал перед немецкой общественностью в полном свете рампы. Протагонист президиального режима, режиссер свержения Брюнинга, генерал своим членством в кабинете и своими тесными доверительными отношениями с рейхспрезидентом гарантировал прочность "системы фон Папена"⁸⁰. Историк Э. Экель называет Папена "откровенным реакционером". Он возлагает в равной мере и на Папена, и на Шлейхера ответственность и вину за деятельность этого правительства⁸¹. Некоторые из исследова-

телей считают, что замена Брюнинга Папеном означала переход от президиального правительства к президентской диктатуре. Следующий логический шаг должен быть сделан в сторону открытой и полной диктатуры, а это значило исключение последних еще существующих конституционно-правовых гарантий⁸². Лонгерих так пишет о правительстве Папена. Его властная основа находилась теперь совершенно вне парламента. Оно правило с помощью чрезмерного использования президентского права, опираясь на его авторитет и являясь инструментом власти рейхсвера⁸³. Говоря о планах канцлера Папена, Лонгерих констатирует, что новое президиальное правительство нуждалось как в рейхе, так и в Пруссии в новых партнерах в политике “терпимости”, и с этой целью Папен обратился к НСДАП. Он предполагал начать в Пруссии переговоры о коалиции с партией Центра и Национальной партией, и одновременно на имперском уровне правительство было готово пойти на уступки требованиям Гитлера и заручиться гарантированным “терпением” со стороны НСДАП. Речь шла о роспуске рейхстага, назначении новых выборов, отмене запрета штурмовых и охранных отрядов нацистской партии. Национал-социалистов должны были привлечь к правительственной власти, но не передавать им главные инструменты президиальной правительственной системы - право роспуска рейхстага и внепарламентских чрезвычайных декретов, право контроля над рейхсвером⁸⁴. Канцлерство Гитлера исключалось. Запланированное сотрудничество с нацистами, продолжает Лонгерих, предусматривало двойное решение. На имперском уровне можно будет управлять, в крайнем случае, минуя рейхстаг, его всегда можно распустить и отправить на каникулы на длительный период или насильственно продлить срок, предусмотренный конституцией для новых выборов. Во-вторых, в случае провала переговоров о коалиции в Пруссии предлагалась альтернатива: назначение рейхскомиссара с внепарламентскими чрезвычайными полномочиями⁸⁵. Итак, Папен и члены его кабинета были абсолютно едины в политической целесообразности лишить власти партии и рейхстаг, а также “укротить” НСДАП через “привлечение ее к государственной власти”. Однако, пишут Э. Кольб и В. Пюта, политический расчет Гинденбурга и его окружения провалился уже в момент образования “кабинета баронов”. Дело в том, что пар-

тия Центра и БНП сразу категорически отвергли возможность своего участия в новом правительстве и отказались от всяких контактов с ним. Надежды Папена и Шлейхера на раскол партии Центра также не осуществились. Обещание “терпения” со стороны руководства НСДАП было дано только на период предвыборной кампании⁸⁶. Нацисты опасались, что они могут быть оттеснены Папеном от достижения ближайшей цели - захвата власти.

Брошат полагает, что назначение Папена канцлером воспринималось самими нацистами как решающая веха на пути к их господству. А разговоры Папена о “новой Германии” дали повод тому, что современники новый кабинет рассматривали как “преддверие третьего рейха”. Автор приводит слова рейхспрезидента Гинденбурга, высказанные им в беседе с новым министром продовольствия М. фон Брауном, о том, что “время республиканских министров” теперь прошло. Республикой, продолжает Брошат, управляла консервативная фронда, решительно настроенная окончательно уничтожить остатки социал-демократического и профсоюзного влияния и опереться при создании архиконсервативного и авторитарного господства на национал-социалистов⁸⁷.

Как уже было сказано, Папен и члены его кабинета стояли на почве и традициях политики и идеологии “неоконсерваторов”. Это была также почва, на которой выросли планы изменения конституции. В работах М. Фогта, Э. Кольба, В. Пюта, Г. Винклера и других эта проблема анализируется достаточно обстоятельно. Все они пишут, что целью Папена было превращение Веймарской республики в консервативно-авторитарное “новое государство” раннего конституционного образца. При этом и Ф. фон Папен и В. фон Гайль, министр внутренних дел, признавали, что они имеют шанс реализовать свои планы только при жизни Гинденбурга и в условиях острого кризиса.

Каким должно быть это “новое государство”? Раскрывая его содержание, Кольб, Пюта и Винклер отмечают, что “новое государство” - это авторитарное, надпартийное президиальное государство. Не рейхстаг, а рейхспрезидент олицетворяет всеобщую волю; он образует центр власти. Выборы президента стали бы единственным актом волеизъявления народа. Рейхстаг как законодательный орган через новое избирательное право должен раз-

делить свою власть с верхней палатой. Новое избирательное право предусматривало учреждение “первой палаты” парламента как центральной составной части запланированной реформы конституции⁸⁸. “Первая палата”, по мнению авторов реформы, должна ограничить право рейхстага, избранного в результате выборов. Члены этой палаты назначаются пожизненно рейхспрезидентом Гинденбургом. “Первая палата” имеет твердо установленные права и активно участвует в законодательном процессе. Имперское правительство должно быть независимым от партий и парламента. Его прочность не должна подвергаться случайному большинству. Рейхстаг не должен иметь исключительного права на отставку правительства⁸⁹. Изменение избирательной системы предусматривало, например, ограничение избирательного права политически совершеннолетнему поколению и дифференциацию избирательного права по степени политического успеха. Воля народа выражается преимущественно разовым избирательным актом. Выборы становились менее равными и менее всеобщими. Папен намеревался также провести реформу управления в рейхе и Пруссии, окончательно урегулировать отношения между ними. Осуществленный им государственный переворот в Пруссии 20 июля 1932 года был нацелен на создание предпосылок политической унии имперского руководства и самой большой немецкой земли, чтобы выполнить таким образом свою намеченную “реформу”. При этом Папен и Гайль неоднократно заявляли, что речь не идет о восстановлении монархии, правительство, скорее, хочет “органического прогресса, а не регресса”. Планы Папена и Гайля реформировать конституцию, констатируют Кольб и Пюта, кажутся в свете сегодняшнего дня невероятными и являлись весьма далекими от реальности. Эти планы не нашли отклика среди большинства немцев и были обречены на неудачу⁹⁰.

При анализе планов по изменению конституции историки ФРГ обращают внимание на взгляды идеологов “неоконсерватизма”, оказавших особое влияние на Папена. Они принимали непосредственное участие в идеологической разработке государственно-теоретических и конституционно-политических планов правительства. Речь идет о Э. Юнге и В. Шотте. Последний был публицистом, влиятельным членом “Клуба господ” и официальным пропагандистом политики кабинета Папена. Юнг считался

авторитетным советником канцлера Папена и претендовал на роль политического мыслителя. В октябре 1932 года Шотте опубликовал книгу “Новое государство”, где более обстоятельно, чем Папен и Гайль, изложил идеи по вопросу пересмотра конституции, которые они стремились реализовать с лета 1932 года. Причем указывалось, что НСДАП при ее тогдашней конфигурации и идейном разладе непригодна к руководству. Тогда же появилась книга Юнга “Господство неполноценных”, в которой тот обвинял парламентскую систему в том, что она якобы способствовала возвышению неполноценных и оттеснению от власти представителей достойной правящей элиты. Винклер верно подметил, что авторитарное, так называемое президиальное государство было общим знаменателем тех “перестроечных” планов, которые давно вынашивались в правых кругах как “Клуба господ”, так и тех, кто объединялся вокруг журнала “Ди Тат”⁹¹. Любопытно, что, анализируя протоколы правительства Папена, Кольб и Пюта выявили наличие разных взглядов Папена, Гайля и Шлейхера. Последний, по их мнению, исходя из прагматических соображений, хотел в рамках существующих властных структур “укротить” нацистское движение, а штурмовые отряды подчинить себе как резервный потенциал его честлюбивых планов вооружения. Шлейхера больше занимали тактические вопросы, а не проблемы создания раннего конституционного “нового государства”⁹². Кольб считает, что Шлейхер был основным выразителем концепции “укрощения” Гитлера. Эта концепция, продолжает Д. Юнкер, отражала интересы рейхсвера. Ее суть – создание сильного, авторитарного правительства, дружески расположенного к рейхсверу. Это сильное правительство не должно противостоять рейхсверу как относительно самостоятельному, а при создании “президиальной диктатуры” ни втянуть рейхсвер в гражданскую войну, ни вынудить выступить на стороне путчистов, так как президентский режим достаточно сильный, чтобы воспрепятствовать возникновению такой ситуации⁹³.

Следует отметить, что историк Д. Юнкер посвятил анализу концепции “укрощения” специальную статью, где показывает, что ее придерживались канцлеры Брюнинг, Папен и Шлейхер. Он приводит признание самого Брюнинга, сказавшего, что своим провалом концепции “укрощения” он потерял политическую

поддержку со стороны рейхспрезидента⁹⁴. Это была одна из причин его отставки. Быстрый подъем и рост влияния НСДАП поставили рейхсвер и рейхспрезидента в трудное положение. С одной стороны, НСДАП, ее “национально-политический потенциал”, агитация против Версальского договора рассматривались весьма благожелательно. Но с другой - руководство рейхсвера увидело для себя опасность, исходящую со стороны нацистского движения. Оно было неприятно удивлено претензией Гитлера на всю полноту власти и напугано конкуренцией со стороны штурмовых отрядов (СА), угрожавших военной монополии рейхсвера. Поэтому концепция “укрощения” предусматривала интеграцию “позитивных” элементов НСДАП в президиальную систему, предложив этой партии некоторые министерские посты, и таким образом сделать ее безопасной. СА должны были быть преобразованы в военно-спортивные организации, находящиеся под надзором рейхсвера⁹⁵. Этим планом рейхсвер надеялся решить основной вопрос, кто кого “обуздает” в свою пользу. По свидетельству Юнкера, Гинденбург уже с 1931 года добивался, чтобы кабинет Брюнинга заручился в парламенте “терпимой” поддержкой нацистов. При первой встрече с Гитлером 10 октября 1931 года президент советовал фюреру поддержать правительство в тяжелое для страны время. С другой стороны, Гинденбург не хотел запрещать НСДАП. Такой шаг укрепил бы и без того сильную критику национальных кругов, глубоко уважаемых президентом⁹⁶. Кабинет Папена, как уже указывалось, продолжил попытки “укротить” Гитлера.

Историки ФРГ почти ежинодушны в том, что после выборов в рейхстаг 31 июля 1932 года он оказался недееспособным конституционным органом, наступило состояние “паралича конституции”⁹⁷. В парламенте абсолютное негативное большинство имели открыто антиреспубликанские партии: НСДАП, КПП и НННП. На выборах почти 60% немцев отдали свои голоса партиям, которые свою главную цель видели в упразднении парламентской республики. Летом 1932 года Германия формально оставалась еще республикой, но ей явно не хватало республиканцев⁹⁸. В стране, по утверждению Юнкера, возникли два решающих политических центра: с одной стороны, рейхспрезидент

Гинденбург и носители президиальной системы, с другой - Гитлер и национал-социалисты⁹⁹.

В первые дни августа 1932 года, после большого успеха НСДАП на июльских выборах в рейхстаг, Гитлер стал настаивать на предоставлении своей партии всей полноты власти, а сам домогался поста канцлера. Однако на памятной встрече Гинденбурга и Гитлера 13 августа 1932 года рейхспрезидент категорически отклонил канцлерство Гитлера. Но парадокс отношений между Гинденбургом и Гитлером состоял в том, что несмотря на их противостояние, они нуждались друг в друге и хотели использовать это для собственных политических целей. Желанием Гинденбурга было включить НСДАП в кабинет Папена. С этой целью Гитлеру предлагался пост вице-канцлера, но он отказался от этого предложения. И все же всего через полгода Гинденбург назначил Гитлера имперским канцлером. Так, по мнению Кольба и Пюта, 13 августа внезапно наступил решающий поворот. НСДАП взяла открыто конфронтационный курс и заняла положение жесткой оппозиции. Гитлер отказался от "политики терпимости" в отношении Папена. Его кабинет оказался в полной политической изоляции. Время иллюзий отныне закончилось. На политическую повестку дня встал вопрос о спасении президиального режима через прыжок в "государственное чрезвычайное положение"¹⁰⁰. Лонгерих высказывает схожее мнение. Он пишет, что после 13 августа наступил поворотный момент в политике правительства Папена. Оно окончательно рассталось с представлением о "терпимости" со стороны НСДАП. Теперь правительство усилило инициативы во внутренней политике, намечая мероприятия по преодолению кризиса, подготавливая формирование милиции, ведя подкоп под паравоенные союзы и одновременно разрабатывая планы по изменению конституции. Эти внутривнутриполитические инициативы находились в тесной связи с внешнеполитическими проблемами лета 1932 года, а именно: конец репараций и наметившийся прорыв в вопросах разоружения-вооружения¹⁰¹.

После июльских выборов Гинденбург и Папен, пишут Кольб и Пюта, обвинив парламент в неспособности к позитивной работе, сами инсценировали состояние "государственного чрезвычайного положения" и предлагали теперь нарушить действующую

конституцию как единственный выход из государственного кризиса. “Паралич парламента”, как главный аргумент, послужил Папену и Гайлю в качестве предлога, чтобы придать юридическую силу чрезвычайным распоряжениям президента, которые были нацелены на упразднение системы партийного господства и парламентаризма. Этот план нуждался также в одобрении и поддержке вооруженных сил¹⁰². 30 августа, продолжают авторы, произошла встреча Гинденбурга, Папена, Гайля и Шлейхера, во время которой президент согласился на возможный роспуск только что собравшегося рейхстага.

При этом Папен и Гайль настаивали на том, чтобы новые выборы в условиях “государственного чрезвычайного положения” были перенесены на более позднее время, что позволит предотвратить опасность для народа¹⁰³. В свою очередь Шлейхер не сомневался, что в “подходящий момент” он сможет положиться на рейхсвер. Военный министр только хотел, чтобы при нарушении конституции армию избавили от участия в волнениях, напоминающих гражданскую войну. Папен и его кабинет также желали избежать ожесточенного сопротивления¹⁰⁴. Хотя они принимали в расчет сопротивление тех сил, которые выступали в защиту демократии. Поэтому правительство стремилось по возможности ослабить этот фронт сопротивления. К сожалению, констатируют Кольб и Пюта, значительная часть населения отнеслась пассивно к нарушению “кабинетом баронов” конституции¹⁰⁵.

Говоря о событиях конца августа 1932 года, Лонгерих считает, что речь шла о диктатуре, опирающейся на авторитет рейхс-президента и средство принуждения рейхсвера, но она только тогда имела перспективу, если бы имела широкую базу среди населения. По его словам, фактически летом 1932 года выявились различные стремления к созданию “президентской партии” или “национального объединения”, которое в наступившее беспарламентское время должно было действовать как связующее звено между “надпартийным” президиальным правительством и населением страны. В сентябре должен был возникнуть и “Немецкий национальный союз” как платформа для сплочения всех либеральных и умеренно консервативных сил¹⁰⁶.

Однако вотум недоверия правительству Папена 12 сентября заставил Папена и его министров отказаться от открытого нару-

шения конституции и провести новые выборы в предусмотренный конституцией срок. Исход парламентских выборов 6 ноября 1932 года принципиально почти не изменил существующую ситуацию, несмотря на поражение НСДАП и некоторую передвижку в соотношении сил “старых” буржуазных партий. В новом парламенте НСДАП и КПП вновь располагали негативным большинством голосов. Снова началась карусель переговоров и интриг, открылись новые варианты концепции “укрощения”¹⁰⁷. 17 ноября правительство Папена ушло в отставку. По утверждению Юнкера, в конце ноября 1932 года на передний план выдвинулись идеи, которые президиальный кабинет обдумывал с лета как последнюю альтернативу: нарушить конституцию и воспрепятствовать передаче власти Гитлеру. К элементам нарушения конституции относились: роспуск парламента, перенос новых выборов, новый запрет СА, а также НСДАП и КПП, чрезвычайное положение, военная диктатура на время. Эта альтернатива, как тень, сопровождала концепцию “укрощения” вплоть до 30 января 1933 года¹⁰⁸.

В этой связи автор анализирует протокол заседания кабинета от 25 ноября. На нем обсуждался вопрос о политическом положении в стране. Документ интересный и отражает настроение и взгляд министров и самого канцлера. Так, министр финансов Л. фон Шверин-Крозигк заявил, что “президиальный кабинет в течение короткого времени должен прибегнуть к чрезвычайному военному положению”. В. фон Гайль предлагал альтернативу: или еще раз попытаться найти взаимопонимание с Гитлером, или “решительно отстаивать авторитет государства”, даже прибегнув к насилию. К. Шлейхер говорил о неизбежности чрезвычайного военного положения. Все вопросы, которые касаются этой проблемы, будут в военном министерстве сегодня, 25 ноября, и завтра утром еще раз тщательно перепроверены. Затем он добавил: в рейхсвере более не восторгаются Гитлером. Канцлер Папен заявил, что президент твердо решил не ставить Гитлера во главе президиального правительства и принять все меры, которые будут необходимы. Гинденбург не собирается изменять конституцию, но в это беспарламентское время он рассматривается как гарант конституции¹⁰⁹. Как видно из этого протокола, “кабинет баронов”

волновали в основном две проблемы: чрезвычайное военное положение и отношение к Гитлеру и его партии.

Небезынтересно, что во всех работах немецких историков подробно описываются и анализируются факты, связанные с двухдневной военной игрой 25 - 26 ноября. Она была проведена военным министерством вместе с министерством внутренних дел по указанию Шлейхера, имела ряд аспектов и напрямую связывается с отставкой канцлера Папена. Главный аспект плановой военной игры - отражение политической всеобщей забастовки¹¹⁰. Ее возможное возникновение мучило правящие круги. При планировании военной игры учитывалась стачка берлинских транспортников, состоявшаяся 3 - 7 ноября 1932 года. В ней совместно участвовали коммунисты и национал-социалисты. После этих событий руководство рейхсвера сделало вывод о согласованности действий двух экстремистских группировок. Кольб и Пюта пишут, что сам факт военных игр в столице рейха можно расценивать как бесспорную примету того, что рейхсвер на случай испытания сил исполнительной власти с противниками правительства Папена готовился основательно¹¹¹. С помощью плановых учений руководство рейхсвера хотело проверить, способно ли оно вообще успешно приводить в исполнение чрезвычайное положение. При этом руководители рейхсвера считали, что активную часть политической массовой стачки составят в первую очередь коммунисты, социал-демократы со своими профсоюзными организациями, а также национал-социалисты¹¹². На опыте стачки берлинских транспортников рейхсвер, очевидно, рассчитывал, что возможное сопротивление чрезвычайному положению окажут как левые, так и правые силы.

С другой стороны, военный министр Шлейхер использовал результаты военной игры как подходящий повод для того, чтобы упразднить своего соперника Папена¹¹³. К этому моменту он уже решил сам стать канцлером и возглавить правительство. 1 декабря Гинденбург снова поручил Папену сформировать кабинет и при этом предоставил в его распоряжение "на случай конфликта с рейхстагом все президиальные права". Однако это решение в пользу Папена имело силу только одну ночь. Исход дела, как отмечают историки, решило сообщение подполковника Э. Отто 2 декабря собравшимся министрам об итогах военной иг-

ры. Его главный вывод: политическая всеобщая забастовка не может быть подавлена силой оружия. В условиях чрезвычайного положения правящий кабинет Папена потерпит поражение от сплоченного сопротивления партий справа и слева. Рейхсвер и полиция не могут вести войну на два внутривнутриполитических фронта¹¹⁴. Возможным следствием политики кабинета Папена может стать гражданская война. После этого члены кабинета заявили, что “решение Папена” невозможно и может рассматриваться только “решение Шлейхера”, то есть они предпочли Шлейхера в качестве канцлера. Папен был отклонен почти единодушно. В тот же день он был вынужден уйти в отставку. Гинденбург с тяжелым сердцем освободил своего любимца от должности канцлера. К этому времени Шлейхер уже заручился поддержкой промышленных кругов Рурской области. Особенно выступал в его поддержку О. Вольф.

Оценивая драматический финал заседания кабинета 2 декабря, Лонгерих исходит из того, что Шлейхер сознательно использовал заявление о результатах военной игры, чтобы в эффективной форме преподнести членам правительства: армия при данных политических обстоятельствах не готова гарантировать существование правительства с помощью чрезвычайного положения. Рейхсвер лишает кабинет Папена своего доверия. Политический вывод из военной игры возможен таков: угрожающая всеобщая забастовка может быть предотвращена только политическими средствами¹¹⁵. Юнкер и Лонгерих полагают, что у Шлейхера в это время имелся уже новый вариант концепции “укрощения”. Он намеревался расколоть НСДАП, а “левое” крыло, возглавляемое Г. Штрассером, вовлечь в кабинет, предоставив несколько министерских постов, не передавая при этом пост канцлера нацистам. В этом отношении Шлейхер уже накануне 1 декабря вновь вступил в контакты с национал-социалистами, воздействуя на членов кабинета и усиливая их неприязнь в отношении намерений Папена снова стать во главе правительства. Наконец, 1 декабря в Веймаре Шлейхер через своего ближайшего сотрудника подполковника Э. Отто зондировал почву у Гитлера насчет поддержки НСДАП кабинета, который он думал возглавить. Присутствовавший в это же время в Веймаре Штрассер высказался за сотрудничество с генералом Шлейхером. Гитлер в

свою очередь “в трехчасовом докладе” пытался отговорить Отто от проекта канцлерства Шлейхера¹¹⁶.

Перед тем как возглавить кабинет, пишет Лонгерих, Шлейхер имел свой план решения политического кризиса. Он исходил из того, что президиальное правительство не может быть дееспособным и успешно проводить политику, не имея массовой общественно-политической базы. Поскольку образование парламентского большинства было невозможно, создание “президентской партии” не продвинулось ни на шаг, Гитлер был не готов вступить в консервативное правительство, он, Шлейхер, выбрал другой путь. Речь шла о том, чтобы расколоть партию Гитлера, ослабить ее и в итоге сделать фюрера покладистым. Далее Шлейхер намеревался сотрудничать со свободными и христианскими профсоюзами, лишив их влияния со стороны СДПГ и партии Центра, а также объединить членов различных союзов, включая “Рейхсбаннер”, для своих целей. Шлейхер поддержал план Г. Гереке о создании системы государственного трудоустройства. Таким образом, намечалось создание так называемого “третьего фронта” (“Querfront”) из профсоюзов, “лояльных” национал-социалистов, профессионально-сословных организаций и армии¹¹⁷. Г. Винклер указывает на такой факт, что Шлейхер в отличие от Папена полагал, что он внутри рабочего класса слышит “наименьшим злом”¹¹⁸.

Став канцлером 3 декабря 1932 года, Шлейхер попытался реализовать свои идеи. По-разному трактуется деятельность канцлера Шлейхера. Одни оценивают ее негативно, ставят генерала на одну доску с Папеном. Д. Пойкерт пишет, что заявления Шлейхера о создании массовой базы на основе привлечения широких общественно-политических сил имели спекулятивный характер¹¹⁹. Аналогичного мнения придерживается Р. Хофман. К тому же он обвиняет лидеров партии Центра в том, что своим терпеливым отношением к кабинету Шлейхера они расчистили путь нацистской диктатуре¹²⁰.

Правда, в последние годы в ряде работ по-иному рассматривается канцлерство Шлейхера. В его правлении видят альтернативу нацистскому режиму или даже возможность спасения республики. Брошат, например, утверждает, если бы был одобрен вариант чрезвычайного правления, предложенный Шлейхером в

январе 1933 года, то это спасло бы Германию от гитлеровской диктатуры. Шлейхер не смог заручиться согласием Гинденбурга на создание чрезвычайного правительства, которое опиралось бы на вооруженную власть. Оно одно могло воспрепятствовать созданию уже подготавливаемого Папеном канцлерства Гитлера¹²¹. В другой своей работе он отмечает, что Шлейхер, возможно, вернулся бы к курсу Брюнинга. Вероятно, канцлер ликвидировал бы некоторую социальную односторонность папеновской политики. Кроме того, Шлейхер правил более политически продуманно, чем Папен, с его едва завуалированными планами консервативно-авторитарного преобразования конституции¹²².

Осмысливая деятельность канцлера Шлейхера, Кольб и Пюта убеждены, что его попытки добиться у рейхспрезидента 23 января полномочий на роспуск рейхстага и перенос новых выборов преследовали совсем иные цели, чем цели Папена. Откладывая выборы, Шлейхер не хотел изменять конституцию. Его намерение, после провала всех планов, провозгласить “государственное чрезвычайное положение” было последним доводом, чтобы вооружиться против ожидаемого вотума недоверия в рейхстаге 31 января и гарантировать политическое выживание на несколько месяцев. Игнорируя статью 25 конституции, канцлер не думал начинать реорганизацию политической системы. Но это была только попытка правительства выиграть время, ослабить радикализм ввиду наметившегося экономического выздоровления. Поэтому новые выборы, перенесенные на более поздний срок, могли создать работоспособный парламент, с которым затем на основе Веймарской конституции можно было сотрудничать¹²³.

По мнению Кольба и Пюта, предпосылки для примирения с ограниченным нарушением конституции были при Шлейхере лучше, чем при Папене. Так, политическая всеобщая забастовка в качестве социального протеста против “социального генерала” была трудновообразима. К тому же Шлейхер мог быть уверенным в поддержке рейхсвера на случай крайней необходимости¹²⁴. И все же, как пишут Кольб и Пюта, решающим фактором провала попыток Шлейхера явилось соперничество идей “государственного чрезвычайного положения” и концепции “укрощения”, которая в январе 1933 года вновь стала подлинно политической

альтернативой для Гинденбурга¹²⁵. Солидаризируясь с ними, Д. Юнкер отмечает, что Гинденбург, отказавшись от поддержки Шлейхера, в конце января склонялся решить вопрос о будущем главе правительства в пользу Гитлера. Интриган Папен сделал все, чтобы представить его в глазах рейхспрезидента способным стать канцлером. Папен подготовил собственный план “укрошения”, который предусматривал изоляцию Гитлера - как канцлера - консервативными министрами и одновременно освободить Гинденбурга от решения вопроса о военной диктатуре¹²⁶. Когда 30 января Гитлер был назначен канцлером, возглавив правительство “национальной концентрации”, куда кроме членов нацистской партии входили представители Национальной партии, “Стального шлема”, а также Папен в качестве вице-канцлера и генерал В. Бломберг, Папен предавался иллюзиям, что теперь Гитлер “укрошен” консервативными министрами¹²⁷. Заканчивая свой анализ, Юнкер приходит к следующему выводу. Раскол верхушки президиального руководства привел к краху альтернативного плана и к канцлерству Гитлера с его условиями, после того как концепция “укрошения” Гитлера провалилась. Юнкер обвиняет носителей президиальной системы в нерешительности и упрекает Гинденбурга, Шлейхера в том, что они в конце концов не отважились нарушить конституцию против Гитлера, поскольку президент в то время не смог преодолеть свои сомнения насчет нарушения Основного закона, а руководство рейхсвера - свои догмы не втягивать армию во внутривнутриполитический конфликт. Последняя альтернатива Гитлеру была проиграна¹²⁸. Тактика легальности Гитлера, благодаря которой он избежал конфликта с рейхсвером и использовал государственно-правовые сомнения возможных противников, оказалась в конце концов успешной.

Яркую картину последних недель Веймарской республики воссоздал историк Винклер. Автор полагает, что планы Шлейхера не следует рассматривать как попытку авторитарного реформирования конституции. Канцлер стремился в отведенный срок - до осени 1933 года - оживить экономику и эффективно бороться против тоталитарных партий. Отсрочку выборов в рейхстаг с этой целью необходимо иначе оценивать, чем проект введения чрезвычайного положения. Она предоставляла возможность выхода из государственного кризиса, конечно, при условии, если эта

попытка нашла бы настоящую поддержку президента и, по меньшей мере, согласие конституционных партий и профсоюзов. К сожалению, демократические партии и организации считали легальный кабинет Гитлера “меньшим злом”, чем скрытую и временную диктатуру Шлейхера, легальный переход власти в руки Гитлера вызывал сравнительно меньший страх¹²⁹.

Винклер предполагает, что после объявления “государственного чрезвычайного положения” кабинет Шлейхера стал бы правительством скрытой военной диктатуры, а рейхсвер - носителем исполнительной власти. С массовым протестом коммунистов и нацистов пришлось бы считаться. Напротив, призыв профсоюзов ко всеобщей забастовке против Шлейхера исключался. Социал-демократы, католические партии и либеральная пресса объявили бы протест против отсрочки новых выборов до осени 1933 года, но несомненно не одобрили бы применения силы. Поэтому гражданская война при тех обстоятельствах была скорее неправдоподобной¹³⁰. Фактическая военная диктатура, продолжает автор, как последнее спасение от диктатуры Гитлера, выявила альтернативу - куда пришла Веймарская республика. Кстати, Кольб и Пюта тоже считают, что временная военная диктатура, к которой стремились Шлейхер и другие руководители рейхсвера, в безнадежной ситуации 1932 - 1933 годов была единственным оставшимся шансом для выживания “Веймара”. Таким образом сохранялась хоть какая-то возможность для последующего восстановления парламентско-демократических конституционных отношений¹³¹. Во всяком случае, скрытая военная диктатура рассматривается как последняя альтернатива передаче власти Гитлеру.

В своих рассуждениях Винклер высказывает мнение, что для сохранения духа конституции нужно было нарушить букву Основного закона. Чтобы спасти правовое государство, его защитники должны были пойти на “мягкое” нарушение конституции. Но они не приняли во внимание этого “спасительного средства”. Им был свойственен “конституционный фетишизм”¹³².

Винклер осуждает позицию СДПГ и партии Центра, занятую ими в конце января 1933 года по отношению к Шлейхеру. Обе партии высказались против “государственного чрезвычайного положения” и вели себя так, как будто наибольшая угроза республике исходила со стороны Шлейхера, а не со стороны Гитле-

ра. Как будто серьезная опасность им угрожала от нарушения конституции, а не от тотального ее устранения¹³³. Партия Центра открыто заявляла, что видит в канцлерстве Гитлера, если он пообещает опереться на парламентское большинство и даст клятву верности конституции, демократически корректное, если не единственно легитимное решение кризиса. СДПГ тоже отказалась от поддержки Шлейхера, она по сути дела оказала поддержку нацистам в борьбе против него. Ее кампания против отсрочки новых выборов закончилась тем, что социал-демократам правительство Гитлера казалось предпочтительнее, чем диктатура Шлейхера¹³⁴. Если бы СДПГ поддержала “социального генерала”, размышляет автор, это еще не было бы гарантией ее успеха. Все, что напоминало сближение с умеренными левыми, выглядело в глазах “камарилы” во главе с Гинденбургом аргументом против Шлейхера. В январе 1933 года от решений социал-демократии вряд ли еще что-то зависело¹³⁵. Крайне консервативная Национальная партия 21 января своим решением объявила войну Шлейхеру, потребовав его отставки. Этим решением НННП расширила и усилила фронт противников канцлера, и они надеялись, что также и президент вскоре открыто присоединится к ним¹³⁶. Несколькими днями раньше Имперский земельный союз объявил своей главной целью свержение канцлера Шлейхера. Таким образом, Шлейхеру не удалось избежать открытого разрыва с крупными аграриями. Потерпела провал концепция “укрошения”. Винклер обращает внимание на тот факт, что фальшивые слухи в конце января 1933 года о том, что Шлейхер и генерал К. фон Хаммерштейн организуют военный путч и хотят арестовать президента, его сына и статс-секретаря О. Мейсснера, способствовали ускорению образования кабинета Гитлера¹³⁷. Однако, отмечает автор, решающим фактором в судьбе Шлейхера было сближение Папена и Гитлера. Экс-канцлер плел интриги, направленные против Шлейхера. Папен и Гитлер часто встречались и в конце концов договорились об образовании совместного кабинета.

Схожее мнение высказывает К.Д. Брахер. Он пишет, что попыткой раскола НСДАП и привлечения всех нетоталитарных групп Шлейхер пытался в последний час, на рубеже 1932 - 1933 годов прервать авторитарный эксперимент и преодолеть грозящую ситуацию гражданской войны. Но его благоразумие

пришло слишком поздно. Быстрее была инициатива его неудачливого предшественника Папена, который, легкомысленно переоценивая свои возможности, надеялся в сотрудничестве с Гитлером суметь осуществить свои честолюбивые планы реставраторско-авторитарного преобразования государства. В союзе с нацистами и “Стальным шлемом” он открыл дорогу к власти “богемскому ефрейтору”, которого до сих пор упорно держали далеко от власти и которого низко оценивал Гинденбург¹³⁸. Пойкерт, говоря об альтернативах, отмечает, что на рубеже 1932 - 1933 годов все альтернативы были исчерпаны. Коммунистическая альтернатива оказалась блефом. Демократическая, начиная с 1930 года, планомерно выхолащивалась. Президентский режим за отсутствием массового базиса исчерпал себя. Планы авторитарной перестройки провалились. Государственный переворот рейхсвера мог вызвать гражданскую войну с непредсказуемым исходом. Оставалась одна, последняя, - праворадикальная альтернатива. Гитлер и старая элита нашли необходимый компромисс. Фюрер приходит к власти, а старая элита получает массовый базис¹³⁹.

Иного мнения придерживается Лонгерих. В заключении своей книги он посвятил несколько страниц историческим альтернативам, имевшимся в республике. По его мнению, речь может идти, по меньшей мере, о четырех моделях:

- 1) революционно-демократической,
- 2) социал-реформистской,
- 3) компромиссе междусоциал-демократией и буржуазией,
- 4) авторитарном президиальном правительстве с массовым базисом¹⁴⁰.

Первые три модели (альтернативы) потерпели провал или оказались нереальными. Свое внимание Лонгерих сосредоточил на четвертой модели. Как он полагает, президиальное правительство имело шанс преодолеть экономический и государственный кризис. Чтобы воспрепятствовать натиску НСДАП, такое правительство должно было прежде всего завоевать лояльное отношение масс. То, что эта модель находилась в прямой конфронтации с Гитлером, показывают президентские выборы 1932 года, а свою способность к выживанию она доказала реализацией запрета СА в апреле 1932 года. Поэтому, как считает Лонгерих, модель авто-

ритарного режима при наличии массового базиса можно рассматривать как альтернативу нацистскому режиму¹⁴¹. Правда, продолжает автор, когда думаешь об этой модели, то не покидает мысль о политической элите, которая оценивала риск и издержки президиальной политики ниже, чем опасность растущего влияния национал-социалистов на правительственную политику.

28 января 1933 года Шлейхер был смещен, а 30 января Гитлер был назначен канцлером. Такое решение, по мнению многих историков, было одним из самых ошибочных и трагичных в германской истории.

Глава IV.

Причины крушения германской демократии в 1933 году

Ответ на этот вопрос не простой и поэтому не приходится удивляться, что ответы и оценки даются различные и, видимо, будут даваться впредь. Пожалуй, в трудах историков ФРГ этот аспект - один из самых актуальных и спорных. Меняются времена и люди, меняется восприятие эпохи, а перед исследователями все время встает вопрос: кто виноват в крахе республики? Как выясняется, путь к воссозданию исторической правды труден и тернист. В свое время известные немецкие историки В. Конце, К.-Д. Эрдман и Т. Эшенбург пришли к выводу, что веймарская система была обречена с самого начала. Трудно согласиться с этим мнением. Как показывает история республики, речь может идти о комплексе объективных и субъективных причин, о наследии, доставшемся ей, о противоречивых интересах и целях определенных классов, группировок внутри классов и социальных прослоек, об ошибках и просчетах политиков и партийных деятелей, о недооценке решительного противника буржуазной демократии - национал-социализма. Наконец, речь может идти об исключительно сложной игре политических сил, в которой сыграли свою роль обыкновенная случайность, интриги и личные мотивы политиков.

Конечно, когда размышляешь о трагической судьбе Веймарской республики, то приходишь к выводу, что в ее гибели виноваты все политические силы и партии тогдашней Германии, хотя и в разной степени. Республика оказалась беззащитной. Ее некому было отстаивать. Слабая демократия Веймарской республики не смогла остановить массовое национал-социалистическое движение. Да и западноевропейские державы “с равнодушием, равнозначным вине”, проявив слабость, внесли свой вклад в гибельное развитие событий.

Был ли неизбежным крах первой немецкой республики? В новейшей литературе этот вопрос до сих пор остается спорным и вызывает различные суждения. Одни историки придерживаются мнения, что в 1933 году не было необходимости передавать власть Гитлеру. Крах республики не был неизбежным. Она ни в коем случае не распалась сама по себе и была намеренно выдана ее смертельным врагам. Другие исследователи высказывают иное суждение, полагая, что приход Гитлера к власти был неизбежен. Более того, они считают, что первая немецкая республика пала, когда был уничтожен так называемый “дух республики”. Имеется в виду сохранение у власти коалиционных правительств, которые правили на основе поддержки парламента, а не через президентские чрезвычайные полномочия. Приведем аргументы тех и других.

По мнению Брахера, решение Гинденбурга назначить Гитлера канцлером было просто бессмысленным по двум соображениям: во-первых, в конце 1932 года низший пункт экономического кризиса и безработицы был уже пройден. Начавшийся экономический подъем целиком пошел на пользу национал-социалистической пропаганде; во-вторых, проблема репараций решена в соответствии с немецкими пожеланиями и была предусмотрена далеко идущая ревизия Версальского договора¹. Продолжая свои размышления, Брахер пишет, что победа тотальной диктатуры над правовым государством, “немецкая катастрофа”, по словам современника Ф. Мейнеке (1946 г.), не были неизбежной необходимостью. Случайности, личные интересы и интриги на фоне тяжелого экономического кризиса привели к власти партию меньшинства, которая смогла раздобыть себе вместе с тоталитарной техникой господства такие средства для разрушения Германии и Европы². С ним солидарны Брошат, Кольб и Винклер. Последний отмечает: чтобы предотвратить катастрофу, которая началась 30 января 1933 года, нужно было добиться антитоталитарного согласия между президентской властью и демократическим меньшинством рейхстага. И то, что этот минимум согласия не был достигнут, открыло Гитлеру путь к власти³. Конечно, в назначении Гитлера канцлером не было необходимости. Все зависело от воли Гинденбурга, а он мог остановиться на другой кандидатуре. На президента повлияли его окружение, про-

мышленные, финансовые и аграрные круги, и он сделал свой выбор в пользу Гитлера.

В отличие от вышеуказанных историков, Пойкерт считает, что приход Гитлера к власти был неизбежен. Он указывает, что уже к концу 1932 года стало невозможным иное решение, чем создать правительство с участием национал-социалистов, которое опиралось бы на большинство в парламенте. После трехлетнего правления президентских кабинетов, сопровождавшегося постоянными роспусками рейхстага, создался “вакуум власти”. Единственным решением оставалось назначение Гитлера канцлером⁴. Кольб, напротив, пишет, что не существовало “вакуума власти”. Он доказывает, что в исправном состоянии оставались авторитарные инструменты власти: рейхсвер, полиция, бюрократия, властные компетенции президента, в особенности право чрезвычайных декретов⁵. Назначение Гитлера канцлером, продолжает он, стало возможно потому, что дезинтеграция политической системы Веймарской республики на рубеже 1932 - 1933 годов зашла так далеко, что президент был поставлен перед выбором: или объявить “государственное чрезвычайное положение”, или передать полномочия главы правительства Гитлеру⁶. Поэтому воспрепятствовать приходу Гитлера к власти могли только в высшей степени политическая фантазия и чувство политической ответственности прежде всего тех групп, которые действительно принимали решения и которые с установлением президентского режима заполнили парламентский вакуум власти. Но как раз в этом кругу меньше всего были заинтересованы в сохранении демократического строя в Германии. Доминировала воля к авторитарному преобразованию государства и общества⁷. В работах немецких ученых справедливо указывается, что в практике “президентских кабинетов” кроется одна из важнейших причин разрушения демократической системы. Они расчистили путь для прихода Гитлера к власти и установления террористической нацистской диктатуры. Статья 48 конституции сыграла поистине трагическую роль в истории Веймарской республики⁸.

Свой взгляд на причины гибели веймарского государства высказывает Лонгерих. Прежде всего он указывает на тот факт, что первую немецкую республику нельзя сравнивать с идеальным представлением о развитой парламентской демократии западного

типа. С самого начала она была обременена тяжелым наследием кайзеровской монархии: общественная элита была настроена антидемократически, а чиновники - монархически, военно-политической верхушке удалось взвалить на республиканских политиков ответственность за поражение и последствия войны⁹. Исходные позиции для демократии, пишет автор, были относительно плохие: революция 1918 - 1919 годов оказалась слабой, чтобы действительно устранить старый общественный строй, но она была достаточно шумной, чтобы вызвать в буржуазном лагере массовый страх перед революцией и возродить мощные контрреволюционные силы. В ходе революции произошел раскол рабочего движения. К тому же процесс создания республики и разработки конституции оставил тусклый след и проходил полностью под тенью Версальского договора¹⁰. К этим затруднениям начальной фазы, продолжает Лонгерих, добавились существенные структурные слабости, в частности, демократические партии не имели большинства среди населения, парламентская демократия оставалась даже в годы стабилизации республики слаборазвитой, республиканские символы и представительные формы не были приняты большей частью населения, экономический базис оставался слабым, чтобы создать обещанное государство всеобщего блага. К затруднениям и структурным слабостям добавилось в начале 30-х годов глубокое воздействие экономического и политического кризиса. Президиальный режим, заменивший парламентскую правительственную форму, не создавал среди масс атмосферу законности и лояльности¹¹. Автор считает, что 1933 год можно объяснить как результат накопившихся совпадений исторических обременений, структурных недостатков и фатальных последствий кризиса. Ввиду впечатляющей суммы негативных факторов крах республики был неизбежным¹².

Анализируя последние годы существования республики, некоторые историки приходят к выводу, что она погибла прежде, чем Гитлер ее разрушил. Тот же Пойкерт утверждает, что первая немецкая республика прекратила свое существование еще в 1930 году, когда ушел в отставку кабинет "большой коалиции", опиравшийся на парламентское большинство. Затем началась эра президиальных правительств. Они уже не оставили никаких шансов республике, разрушив все то, что еще оставалось от респуб-

ликанской конституции¹³. Аналогичное мнение высказывает М. Брошат, отмечая, что теоретически “Веймар” пал уже после отставки кабинета Г. Мюллера в марте 1930 года. То, что возрождение стало невозможным, выяснилось только к началу 1932 года. Демократические партии к этому времени охватил политический пессимизм. Они оказались неспособны защитить республику. В начале 1932 года она вступила в свою заключительную фазу¹⁴. Однако есть и другие мнения. Их смысл сводится к тому, что даже нарушение конституции не означало еще краха демократического государства. В условиях экономического кризиса выборы приносят победу радикальным партиям. Возникает опасность установления диктатуры легальным путем. Демократические институты оказываются неспособными эффективно бороться против нее. Поэтому в сложных экономических ситуациях некоторые элементы авторитарного правления необходимы, если имеют целью стабилизировать обстановку.

Ряд историков главную вину за назначение Гитлера возлагают на Папена, который в конце концов убедил президента пойти на этот шаг. Большую роль сыграли консервативно-националистические круги промышленников, поддержавших Папена, а также крупные аграрии и часть министерской бюрократии. Они добились соглашения между А. Гугенбергом, лидером Национальной партии, и Гитлером, а также смогли ловко развеять сомнения престарелого президента относительно “богемского ефрейтора”¹⁵. Вновь сошлемся в этой связи на высказывание К.Д. Брахера, который пишет, что 85-летний президент Гинденбург последовал советам своего ближайшего окружения, особенно - честолобивого и опрометчивого экс-канцлера Ф. фон Папена, и назначил Гитлера шефом правительства “национальной концентрации”. Расчет состоял в том, что консервативное большинство в кабинете с помощью Гинденбурга и вице-канцлера Папена сумеет “обуздать” динамику гитлеровского движения и использовать его для своих собственных целей авторитарной и монархической реформы государства. Это была грандиозная ошибка¹⁶. Согласимся и мы с такой оценкой событий. Хотелось бы сразу сказать, что Брахер не снимает вины с Гинденбурга за передачу власти Гитлеру. Он при этом постоянно подчеркивает существенное различие двух президентов республики: Эберта и

Гинденбурга. Первый в критические годы стоял во главе ее и стремился к укреплению демократического порядка. Второй воплощал глубокое неприятие республиканской политики, привел страну к авторитарной системе, толкнул себя на путь внепарламентских правительственных экспериментов¹⁷. Следует подчеркнуть, что историки разных направлений возлагают ответственность за приход нацистов к власти на избирателей. Ведь они голосовали за Гитлера и НСДАП¹⁸. Винклер достаточно откровенно об этом пишет. Гитлер стал канцлером не только в результате интриг властной элиты, но также благодаря массам, которые стояли за ним и поддерживали его партию. После выборов в рейхстаг 31 июля 1932 года нечего было превратно истолковывать, было ясно, что большинство немцев сделали выбор против веймарской демократии¹⁹.

Анализируя причины крушения республики, авторы ряда трудов приводят различные аргументы. Так, М. Брошат объясняет причину краха немецкой демократии в 1933 году готовностью правительства и исполнительной власти к компромиссу и сотрудничеству с Гитлером. Такие же настроения все заметнее охватывали аграриев и ремесленные союзы²⁰. По мнению К.Д. Брахера, важнейшими факторами гибели республики были: внезапная смерть Г. Штреземана (октябрь 1929 г.) на пороге важных с международной точки зрения решений; прорыв мирового экономического кризиса с невиданной прежде безработицей; враждебные демократии планы реформ и реставрации вокруг президента и зловещая роль личностей: Гинденбурга и Брюнинга, Шлейхера и Папена, Гугенберга и Гитлера. Лишь на этом фоне радикальным партиям удалось мобилизовать большинство колеблющихся, нерешительных, приобрести их для антидемократического лагеря и привести к успеху антиреспубликанскую политику массовых движений²¹. Брахер указывает на “роковой факт” в истории республики: германское кризисное правительство Брюнинга с 1930 года не имело широкого политического базиса, и оно не объясняло свои экономические мероприятия, не пыталось пробудить доверие, как это необходимо для демократии. В эти пробелы ударил Гитлер, который старался виртуозно пропагандировать свои мероприятия в экономической политике. Далее автор отмечает, что пренебрежение внутренней политикой в пользу целей

внешней и финансовой политики воздействовало роковым образом, потому что создавало вакуум внутривластной власти, в который проникали враждебные системе силы²².

Здесь хотелось бы изложить точку зрения Пойкерта, Кольба и Винклера на причины, способствовавшие падению республики. Так, Пойкерт выделяет четыре главные причины. Первая: кризис уменьшил свободу действий, необходимую для позитивного наполнения базисного компромисса 1918 года. Социальноэкономический структурный кризис трансформировался в дестабилизацию политической и социальной системы республики. Вторая: постепенный отказ от этого базисного компромисса содействовал большей потере легитимности нового строя. Третья: концепция “авторитарного поворота”, которой придерживались представителем старой элиты с начала 1930 года, была нацелена на разрушение базисного компромисса 1918 года и изменение соотношения сил в свою пользу. Президиальные кабинеты имели достаточно сил, чтобы разрушить конституционный строй. Высокой степени достигли политизация и массовая мобилизация немецкой общественности. Эти кабинеты не смогли остановить переход средних слоев и избирателей правых взглядов на сторону национал-социализма. Четвертая: национал-социалистическая альтернатива оказалась выигрышной в двух отношениях: нацистское движение ввиду кризиса 1929 - 1933 годов развивалось очень динамично и превратилось в современную тоталитарную “интеграционную партию”. Она 30 января 1933 года приняла ключи от власти из рук старой элиты, которая успешно действовала в разрушении республики²³. Пойкерт считает, что историческая вина старой элиты состоит в том, что в выборе между демократической и тоталитарной альтернативой она приняла решение в пользу Гитлера²⁴. Политическая клика, окружавшая президента, в конце концов высказалась за канцлерство Гитлера. Даже сплоченное тоталитарное движение Гитлера не могло бы свергнуть республику, несмотря на то, что оно развивалось с потрясающей политической динамикой. И тем не менее только картелю старой элиты обязана НСДАП приходом к власти²⁵. Гинденбург, продолжает автор, назначив Гитлера главой правительства “национальной концентрации”, тем самым развязал динамику так называемой “национальной революции”. Мирная

конституционно правомерная передача власти Гитлеру через короткое время превратилась в “захват власти”²⁶.

Достаточно критичен в оценке крупной германской промышленности Кольб, обвиняя ее в разрушении немецкой демократии. Крупная буржуазия решительно содействовала тому, чтобы пробить брешь в здании республики, через которую смогли бы торжественно войти национал-социалисты²⁷. В этой связи Кольб называет переход от парламентской правительственной системы к президентскому режиму “роковым событием” в республике, который планировался давно и готовился тщательно. События и решения 1929 - 1930 годов имели огромное значение в плане выбора пути будущего развития страны, приведшего к катастрофе²⁸. Автор справедливо пишет, что главная причина быстрого взлета НСДАП во время кризиса заключалась в поддержке старой элиты крупными аграриями и промышленниками, военной верхушкой, надевавшимися использовать нацистское движение в своих целях: покончить с Веймаром. Правда, поясняет Кольб, они не стремились к установлению тоталитарной диктатуры. НСДАП нужна была им в качестве приемлемого союзника в борьбе против демократии, парламентаризма и организованного рабочего класса²⁹. Одну из причин слабости и гибели республики он видит также в фундаментальных недостатках, заложенных в фазе ее создания. Например, учрежденную в 1918 году парламентскую демократию признало только меньшинство, а большинство сохраняло сдержанность, скепсис или открытую неприязнь. Или уже в начале республики были созданы политические партии справа и слева, готовые к решительной борьбе против нее³⁰. Слабость Веймарской республики, утверждает автор, коренилась также в непрочности союза “умеренного крыла рабочего движения с демократически настроенной частью буржуазии”.

Эту тему анализирует и Винклер. Он также утверждает, что стрелки в 1918 - 1919 годах были установлены неправильно. Отсюда огромные трудности, с которыми столкнулись левые демократы в Веймарской республике. К тому же СДПГ во время революции совершила тяжелую историческую ошибку, приняв на службу старый государственный аппарат почти без изменений³¹. Кстати, Винклер признает связь двух дат германской истории (1918 и 1933 гг.): Ноябрьской революции и нацистской диктатуры.

ры в Германии. “1933 год” был результатом “1918 года”. Он объясняет ее незавершенностью буржуазно-демократических преобразований в период революции: они не затронули позиций монополистической буржуазии и крупных аграриев³². Таким образом, указывается, что национал-социализм возник не в последнюю очередь как реакция против 1918 года. Винклер особенно обвиняет юнкерство в развале республики и приходе Гитлера к власти. В мае 1932 года крупные аграрии в союзе с руководством рейхсвера и националистами свергли канцлера Брюнинга. В январе 1933 года они вновь сыграли решающую роль в отставке канцлера Шлейхера. В этой связи он справедливо отмечает, что ни в каком другом высокоиндустриальном обществе старая элита не сохранила такую политическую власть, как юнкерство в Германии времен Веймарской республики³³. Серьезной проблемой для республики, пишет Винклер, были репарации, сыграв негативную роль в ее судьбе. После 1929 - 1930 годов они сильно содействовали обострению социального и политического кризиса в стране³⁴.

Социал-реформистские и либеральные историки немалую ответственность за гибель республики, приход и утверждение Гитлера у власти возлагают на политические партии. В период кризиса 1929 - 1933 годов все буржуазные партии в той или иной мере проявляли тенденцию к сближению с национал-социализмом. Их руководящие деятели, особенно НННП, партии Центра и ННП открыто стремились к сотрудничеству и союзу с Гитлером и НСДАП. Еще до прихода нацистов к власти буржуазные партии носились с идеей “укрощения” НСДАП. Однако эта концепция потерпела провал³⁵. Буржуазные партии оказались бессильны соперничать с более коварной и лживой пропагандой нацистов, не смогли предложить эффективной альтернативы национал-социализму, недооценивали враждебность к демократической республике со стороны Гитлера. Эта недооценка нацизма оказалась важнейшим фактором, способствующим его победе. Несомненно, кризис и распад буржуазных партий имел роковые последствия для веймарской демократии, так как возникший политический вакуум заполнила НСДАП, к которой перешли и избиратели, и многие члены буржуазных партий. В Германии не оказалось ни одной политической партии или силы, которая

смогла бы преградить национал-социалистам путь к власти. Назначение Гитлера канцлером не вызывало со стороны демократических партий каких-либо массовых акций протеста. Они оказались не в состоянии соответствующим образом прореагировать на вызов нацизма. Веймарские партии проявили неспособность перешагнуть через имевшиеся между ними идеологические разногласия и совместными силами оказать сопротивление общей угрозе. Демократические партии явно не проявили воли к тому, чтобы отодвинуть в сторону частные разногласия, идти на заключение компромиссов и содействовать сохранению парламентского правительства. Ведущие демократические политики, очевидно, ошибочно оценивали настроение населения, в противном случае они не назначали бы в острой кризисной ситуации новые, очередные выборы. Благодаря им радикальные партии смогли получить шанс и перенести свою борьбу с улиц в парламент. Несостоятельность партий и политиков привела парламентскую систему к параличу³⁶.

Многие исследователи верно пишут, что огромная вина лежит на НННП, пошедшей на сотрудничество с нацистами в борьбе против веймарской демократии. Либерально настроенный историк Г.-Г. Хартвиг констатирует, что с октября 1928 года, когда партию возглавил А. Гугенберг, начался “окончательный уход” НННП в “национальную оппозицию” как “движение”, направленное в целом против парламентской системы. Последовательное проведение этой политической линии привело к расколу партии летом 1930 года, “Гарцбургскому фронту” и к борьбе против республики и демократии³⁷. Кольб обвиняет лидера партии Гугенберга в дезинтеграции республики. Его газетный концерт³⁸ вел систематическую антиреспубликанскую и антидемократическую пропаганду. Так, НННП оказалась исключенной из круга партий, способных к коалиции с другими на почве веймарской демократии³⁹. Винклер называет Гугенберга “радикальным националистом”⁴⁰. Возглавляемая им партия, отмечает Р. Хофман, провозгласила бескомпромиссный конфронтационный курс. Гугенберг настаивал на жесткой борьбе с рабочим движением - не только с КПП, но и с социал-демократией, и большинством партий Центра. Избрание Гугенберга лидером подорвало позиции тех сил в партии, которые признавали республику как свершив-

шийся факт. Через свою политику сближения с НСДАП Национальная партия ответственна за передачу власти Гитлеру, консолидацию и стабилизацию нацистской диктатуры⁴¹. Эффективную публицистическую помощь этой партии оказали идеологи “консервативной революции”. Свои мощные атаки на либерализм, демократию и парламентаризм они связали с призывом к сильной личности вождя и авторитарному государству. “Интегральный национализм” был их ответом на либерализм и марксизм⁴².

Многие историки не скрывают, что особая вина лежит на партии Центра. Ведь она в период 1930 - 1932 годов была правящей партией и во всем безоговорочно поддерживала своего канцлера Брюнинга. Методы правления “сильной личности” Брюнинга создавали условия для быстрого подъема нацистского движения. Именно в его годы правления НСДАП превратилась в доминирующий фактор внутренней политики Германии. Партия Центра сыграла ведущую роль в подготовке авторитарных форм господства, содействовала выхолащиванию парламентско-демократического строя, и на ней лежит ответственность за кризис многопартийной системы⁴³. Лидер Центра прелат Л. Каас видел своим государственным идеалом на парламентское партийное государство, а авторитарную вождистскую демократию⁴⁴. Открытое сближение партии Центра с НСДАП в 1930 - 1932 годах, особенно летом и осенью 1932 года, помогли Гитлеру в достижении его целей. Накануне установления нацистского режима партия Центра оказалась совершенно беспомощной. К тому времени ее лидеры уже прочно сжились с мыслью о передаче власти нацистам. Они и сами были не прочь вступить в правительство с участием НСДАП. В этой связи хотелось бы привести слова историка Г. Моммзена о том, что веймарская парламентская система пала не только под напором национал-социализма и Гитлера. Это был, скорее, решающий момент внутреннего отказа всех важнейших политических сил, за исключением СДПГ, от веймарского конституционного строя⁴⁵.

Крах Веймарской республики многие связывают со слабостью германского либерализма, которому не удалось ни сплотиться организационно, ни модифицировать свои классические идеи. Он не стал интегрирующей основой республики. Его трагедия состоит в том, что Немецкая демократическая партия (НДП, с

лета 1930 г. НГП) и Немецкая народная партия, представлявшие соответственно левое и правое течения внутри либерализма, не смогли объединиться и бесконечно враждовали между собой, стремясь уничтожить друг друга⁴⁶. Обе партии были ядром немецкой партийной системы. Принципы либерализма лежали в основе государственной идеологии республики. Однако на протяжении всех 14 лет либерализм переживал кризис, а либералы теряли голоса избирателей. То, что либерализм утратил доверие избирателей, являлось одним из серьезных симптомов общего кризиса “веймарской” партийной системы. Пойкерт считает, что потеря либералами популярности среди избирателей была решающим событием “веймарского парламентаризма”. Она парализовала республиканский центр изнутри⁴⁷. Критически оценивает деятельность либеральных партий Р. Хофман. Он подчеркивает, что НДП, постоянно участвуя в правительствах, превратилась в придаток различных коалиций и в результате перестала восприниматься обществом как самостоятельная политическая сила⁴⁸. Автор высказывает мнение, что в период мирового экономического кризиса НДП с трудом могла вызывать симпатии. Почти всю буржуазию уже больше не устраивала леволиберальная модель государственного и общественного устройства. Ее привлекал авторитарный и открыто реваншистский тип государственного строя⁴⁹. Буржуазия не считала демократическую республику пригодной формой государственного правления, чтобы справиться с кризисом. В этом причина, почему буржуазия отвернулась и от Народной партии. Во время кризиса она встала на жесткий националистический и антидемократический путь. И тем не менее ННП потерпела крах, так как не смогла эффективно конкурировать ни с НННП, ни тем более с НСДАП. К тому же она не имела достаточной опоры в народе⁵⁰. Фогт отмечает еще два характерных момента: неспособность либеральных партий откликнуться на актуальные проблемы дня, и это воспринималось средними слоями как пренебрежение их интересами и проблемами. К сожалению, у либеральных партий не было выдающихся популярных личностей, за исключением Г. Штреземана⁵¹.

Поразительно, что после 30 января 1933 года все буржуазные партии взяли курс на сотрудничество с правительством Гитлера,

а 23 марта проголосовали за предоставление Гитлеру чрезвычайных полномочий. Логическим следствием такого поведения лидеров буржуазных партий стал их роспуск. Конец буржуазных партий не был итогом их борьбы против национал-социализма, а наступил в результате политики уступок, приспособления, сдачи своих политических позиций нацизму. В этом заключается историческая вина этих партий. Крах системы буржуазных партий являлся одной из главных причин ликвидации Веймарской республики в целом.

К виновникам гибели республики историки ФРГ относят национал-социалистов, коммунистов, Коминтерн и СДПГ. Правда, пишет немецкий историк Л. Люкс, ответственность высших слоев государства за приход нацистов к власти гораздо выше, чем ответственность рабочих партий, у которых не было возможности решать - отдавать власть или нет в руки правых экстремистов⁵². Брахер, напротив, полагает, что главными виновниками крушения немецкой демократии были две партии: НСДАП и КПП, которые с самого начала решительно боролись против республики. Компартия заявляла, что всему виной в Германии был "класс капиталистов", а НСДАП - "ноябрьские преступники". Негативное воздействие врагов республики слева и справа началось не с 1930 года, а уже с самого начала республики. Эти враждующие братья под лозунгами революции и контрреволюции могли вести кровавую борьбу. Версаль и революция были двумя тезисами, с помощью которых агитировали как в 1919, так и в 1933 годах⁵³. И все же Брахер, как и другие исследователи, верно замечает, что самый страшный враг республики стоял справа. Ниже мы вернемся к этому вопросу. Далее Брахер отмечает, что КПП своей тактикой существенно содействовала распаду республики. При этом коммунисты часто находились в неблагочестивом альянсе с нацистами, боролись с СДПГ, как своим главным врагом⁵⁴. К этому добавлялось то, что коммунисты выступали против буржуазных левых интеллектуалов, которые им не подчинялись. Антиинтеллектуальная полемика КПП могла иногда тягаться с антиинтеллектуальной полемикой национал-социалистов. Обе крайние партии обладали своими собственными ведущими интеллектуалами: такими литераторами, как Й. Геббельс и А. Розенберг у НСДАП, Й. Бехер и пропагандисты концерна

В. Мюнценберга у КППГ. Они виртуозно проводили компании, которые отравляли духовную жизнь и готовили почву для капитуляции перед авторитарными и тоталитарными силами⁵⁵.

Весьма категорическое суждение по данному вопросу высказывает упоминавшийся нами К. Штрифлер. Он пишет, что коммунисты и нацисты, оба политических течения, питая непреодолимую неприязнь к республике и конституции, вместо системы парламентской демократии хотели установить диктатуру⁵⁶. Обе партии в период республики превратились в массовые партии и обе неистово боролись против СДПГ, стремясь ее разрушить⁵⁷. Обе партии фактически парализовали работу рейхстага. По многим вопросам коммунисты и нацисты единодушно голосовали в парламенте. Они проводили совместные акции против парламентской системы. Пример тому - участие КППГ вместе с нацистами в референдуме по поводу роспуска прусского коалиционного правительства Брауна - Зеверинга в августе 1931 года. Сотрудничество двух партий, утверждает автор, особенно негативно проявилось после выборов в рейхстаг 31 июля 1932 года. Только радикальное отклонение существующей системы соединяло радикальные партии⁵⁸. Штрифлер подчеркивает, что вопрос: какая из этих партий представляла наибольшую угрозу веймарской системе, в известной мере не историчен. Одновременно на страницах своей книги автор много внимания уделяет непримиримой борьбе между коммунистами и нацистами. Эта борьба напоминала характер гражданской войны: на улицах немецких городов, в рабочих районах, прессе, парламенте, в нападениях нацистов на помещения рабочих организаций. Эта решительность и желание добиться тотальной победы или понести тотальное поражение сделали борьбу полной ненависти и крови⁵⁹. Штрифлер напоминает также, что к началу 30-х годов недоверие широких слоев Германии к парламентаризму и либеральной экономической системе достигло наивысшей точки⁶⁰.

Пойкерт считает, что причиной победы национал-социалистов в январе 1933 года был раскол в лагере антифашистов. Он обвиняет КППГ и СДПГ в том, что они вели между собой ожесточенную братоубийственную войну и это ослабляло их силы. Крайне негативную роль в антифашистской борьбе рабочих партий сыграли ошибочные идеологические установки в отноше-

нии НСДАП, с одной стороны, и в отношении друг друга, с другой. Обе рабочие партии недооценивали национал-социализм, динамику его развития, идеологический радикализм и относительную политическую самостоятельность. Поскольку для КПП главный враг был “социал-фашизм”, то настоящий враг, НСДАП, долгое время находился вне поля зрения. Соперничество и конкурентная борьба двух рабочих партий лишали социал-демократов возможности придерживаться умеренного курса на преодоление политического и экономического кризиса. Обе партии отказались от совместных акций протеста как 20 июля 1932 года, так и 30 января 1933 года. Вину за бездействие Пойкерт возлагает на руководство обеих партий⁶¹. Он справедливо пишет, что образование кабинета Гитлера предоставило рабочему движению последний шанс объединиться и оказать коллективное сопротивление, даже если бы оно не имело успеха. Но лидеры КПП, СДПГ и свободных профсоюзов уже заранее примирились с поражением, хотя и приводили правильные и разумные доводы в оправдание своего бездействия⁶².

Конечно, Пойкерт во многом прав. Несомненно, борьба двух рабочих партий распыляла силы рабочего класса и всех демократических сил в стране, необычайно ослабляла политический потенциал левых, ведь судьба республики во многом зависела от действий и политики этих двух рабочих партий. На них ложится ответственность за историческое поражение германского пролетариата и за то, что в самый опасный момент для судеб республики им не удалось преодолеть раздробленность рабочего класса. Все это облегчило триумф Гитлера. После его назначения канцлером лидеры СДПГ не поднялись на баррикады в защиту своего детища и капитулировали без боя. КПП также не удалось начать серьезную борьбу и повести за собой массы. В результате обе рабочие партии - КПП и СДПГ - оказались разбитыми и преследуемыми. Победа нацизма в Германии обнаружила пороки и несостоятельность стратегии как СДПГ, так и КПП, а также крах прежней тактики политики компартии и социал-демократии. Историк К. Шёнхофен констатирует, что стратегия СДПГ в 1930 - 1933 годах бесспорно провалилась. Она в своей посылке была принципиально неверной. Он приходит к следующему выводу. Надо исходить из того, что после государственного переворота в

Пруссии 20 июля 1932 года вооруженная борьба за спасение республики, потрясенной в своей основе, была безнадежной, так как все политические и психологические предпосылки для успешного подъема ослабленного и расколотого рабочего движения отсутствовали⁶³. Шёнхофен также пишет, что провалилась и концепция “оборонеспособной демократии” в результате враждебности к республике со стороны высших военных кругов, министерских чиновников, полицейских офицеров и судей. Но прежде всего веймарская демократия рухнула из-за антидемократического согласия правительственной элиты в рейхе⁶⁴.

Р. Хофман весьма критически высказывается по поводу пассивности социал-демократов. Руководство реформистского рабочего движения отказалось от массовых акций протеста, хотя низы проявили готовность к решительной борьбе. Особенно губительно действовал отказ от внепарламентских боевых мероприятий после прусского государственного переворота, и был дан сигнал НСДАП, что демократическое правовое государство можно завоевать без боя. СДПГ несет ответственность за приход Гитлера к власти. Фракция СДПГ проголосовала в рейхстаге 23 марта 1933 года против предоставления Гитлеру чрезвычайных полномочий и тем самым продемонстрировала, что ее дух не сломлен. Но оппозиционные заявления социал-демократов не были подкреплены реальными действиями⁶⁵. По мнению Брахера, социал-демократы и свободные профсоюзы были парализованы национал-социалистической тактикой легальности завоевания власти. Даже такое их оружие, как генеральная стачка, осталось усеченным. Когда “легальная революция” стала действительностью, открытое сопротивление оказалось запоздалым⁶⁶. Думается, что автор не совсем прав, когда он говорит о “запоздалом сопротивлении”. У СДПГ все же был более эффективный выбор в деле защиты республики, чем явно пассивная позиция в отношении ее врагов, особенно национал-социалистов. Винклер, оправдывая позицию СДПГ, пишет лишь о ее “пассивной вине” за распад веймарской демократии, поскольку у нее не было возможности спасти республику из-за враждебности слева (КПП) и отсутствия демократического партнера справа.

Здесь хотелось бы более подробно остановиться на точке зрения Винклера. Он считает, что социал-демократическое рабо-

чье движение было единственной политической силой, которая с самого начала и до конца Веймарской республики последовательно выступала за сохранение плюралистического, парламентского и конституционного строя. Немецкая социал-демократия могла выполнить свою историческую роль только как “народная партия” левого центра, способная к коалиции⁶⁷. В качестве примера Винклер приводит эффективное взаимодействие СДПГ и буржуазного центра в Пруссии на протяжении многих лет. Не будь такого сотрудничества в форме “веймарской коалиции”, республика вряд ли просуществовала бы 14 лет⁶⁸. Придавая важность этому вопросу, автор обращается к нынешнему поколению политиков со словами: “Парламентская демократия может только тогда существовать, если социал-демократия готова, во-первых, сотрудничать с буржуазными силами и, во-вторых, если она для этого находит в буржуазии достаточно сильного партнера. Главная причина падения первой немецкой республики заключается в том, что в начале 30-х годов исчезли обе эти предпосылки”⁶⁹.

Винклер не разделяет мнения тех историков, которые утверждают, что единый пролетарский фронт мог остановить катастрофу и преградить путь Гитлеру к власти. Это миф. Автор продолжает: 30 января 1993 года единый пролетарский фронт был еще более безнадежным риском, чем 20 июля 1932 года. Любые массовые акции протеста были бесперспективны. Разумное осознание этого заставило социал-демократов отказаться от них. Среди руководства СДПГ шли споры по этому вопросу. Часть потребовала массовых акций протеста против кабинета Гитлера - Папена (П. Лёбе, Ф. Штампфер). Но большинство высказалось против каких-либо акций протеста. При этом Винклер старается во всем обвинить коммунистов, которые в случае объявления генеральной стачки не прекратили бы ее в дальнейшем. Они прибегнули бы к революционному насилию, которого нацисты только и ждали, чтобы их террор получил благовидное оправдание. Это привело бы к гражданской войне, которая могла бы закончиться только кровавым поражением рабочих, так как у них не было никаких шансов⁷⁰. Эта точка зрения фаталистична, поскольку обуславливает неизбежность прихода национал-социалистов к власти. Автор не скрывает того, что антикоммунизм действовал парализующе на социал-демократию. Следует

подчеркнуть, что антикоммунизм вообще сыграл роковую роль не только в судьбе политических партий, но и самой республики. Он помешал партиям и их лидерам увидеть подлинные размеры нацистской опасности. Страх перед революцией и коммунизмом ослеплял немецких политиков, толкал их на сделку с нацизмом.

Непоследователен в оценке деятельности СДПГ социал-реформистский историк М. Шнейдер. Он пишет о стратегической и концептуальной беспомощности этой партии в период экономического кризиса и в момент прихода Гитлера к власти. Правда, автор солидарен с Винклером в том плане, что шансов на сплоченное выступление рабочего класса не было. О совместной акции всех направлений профсоюзного движения нечего было и думать. А действия одних свободных профсоюзов в тех условиях были бы безнадежны⁷¹. Сотрудничество СДПГ и КПП было иллюзорным, учитывая их непримиримые отношения. Поэтому, пишет другой реформистский историк П. фон Мюлен, упрек в адрес руководства СДПГ, что оно отказалось от союза с КПП, неправилен. Ярлыки “социал-фашисты” и “предатели рабочего класса” не рассеяли обоснованного недоверия к компартии, чтобы СДПГ могла предпринять необдуманные акции и возложить на себя ответственность за поряжение⁷². Автор заключает, что правлению СДПГ в феврале 1933 года ничего не оставалось, как сделать опору на конституцию. Социал-демократия приняла тогда героическое решение, чтобы избежать напрасных кровавых жертв⁷³. Нам кажется, что СДПГ и КПП, отказавшись от всеобщей стачки и вооруженного отпора, совершили большую ошибку. Генеральная стачка в конце января - начале февраля 1933 года имела шанс сорвать планы Гитлера. Кстати, как показывают документы, Гитлер очень боялся всеобщей забастовки рабочих. Ведь его позиции были весьма слабыми, а положение уязвимо. Если бы забастовка удалась, Гитлер был бы сметен рабочим классом, а человечество избежало бы величайшей трагедии в своей истории.

Следует добавить, что некоторые немецкие историки обвиняют левую интеллигенцию в распаде Веймарской республики, которая крайне критически и неуважительно относилась к веймарской системе. Эта критика была настолько сильной, что они целиком отвергали новое государство⁷⁴. То же самое высказы-

ется в отношении теоретиков “консервативной революции”, которые искренне верили в порочность Веймарской республики⁷⁵. Все это играло на руку национал-социалистам. В этой связи не случайно указывается на тот факт, что “консервативная революция” с ее национальными мифами стала мостом, соединяющим прошлое и национал-социализм⁷⁶.

Как уже отмечалось, многие историки склоняются к мнению, что жесточайшие враги республики находились справа и они несут основную вину за ее крах. Речь прежде всего идет о НСДАП, партии Гитлера. История восхождения НСДАП - это одновременно и история истощения и упадка республики. Придя к власти, национал-социализм упраздняет либеральное общество. Правда, приход нацистов к власти свидетельствовал о глубоком кризисе самого либерального общества. Ведь известно, что фашизм и национал-социализм являются детищем острых кризисов, сотрясающих общество. Справедливо подчеркивается, что Гитлер и НСДАП были не только носителями реакционной буржуазной идеологии, но одновременно и смертельными врагами веймарской буржуазно-парламентской демократии. Гитлер никогда не скрывал, что хочет разрушить это правовое государство, поскольку республика являлась “инструментом еврейства”. В истолковании нацистов многопартийная демократия представляла как нечто чужеродное, навязанное извне, чуждое германскому духу. В своей книге “Моя борьба” Гитлер высказывает в адрес буржуазных партий много нелицеприятного и оскорбительного, а установление республики в Германии рассматривает как “воцарение морального разврата”⁷⁷.

Известно, что национал-социализм с первых дней своего появления подверг нападкам либерализм и марксизм. СДПГ была объявлена партией “ноябрьских преступников”, обвинялась в поражении Германии в первой мировой войне и принятии позорного Версальского договора. Нацизм выступил как олицетворение антиверсальских настроений. На демократию была возложена ответственность за наследие проигранной войны. Договор воспринимался как “грехопадение”, “предательство” и “позор”. Это сыграло вскоре весьма негативную роль в агитации правых. Унижение и оскорбление условиями договора еще больше усилило настроение антипатии к республике. О деятелях германской

революции 1918 - 1919 годов нацисты говорили с величайшим презрением. Винклер констатирует, что Гитлер умело использовал страх перед революцией, коммунизмом и гражданской войной, преподнося национал-социализм как фактор “порядка” и как плотину на пути надвигающегося мирового большевизма⁷⁸. Со стремлением к “порядку и надежности” была тесно связана потребность в “сильном человеке”. Предполагаемое отсутствие “порядка” расценивалось многими как главная слабость республики. Основной целью НСДАП Гитлер провозгласил “уничтожение и искоренение марксистского мировоззрения”. При этом фюрер извлек пользу из политики двух “марксистских” рабочих партий, которые были поражены крайней неприязнью друг к другу. НСДАП использовала радикализм коммунистов, их крайнюю враждебность к существующему политическому режиму и экономическим устоям общества. Воинствующий антикоммунизм нацистов находил широкую поддержку в обществе и государственном аппарате⁷⁹. В своих избирательных кампаниях, на массовых митингах, в пропаганде и избирательных манифестах с 1930 по 1932 год НСДАП прежде всего клеймила Версальский договор, “ноябрьских преступников”, марксизм, буржуазные партии, интернациональные банки и биржевой капитал⁸⁰. Так она пыталась подорвать доверие к республиканским учреждениям и правящим партиям, эксплуатировала скрытое и открытое чувство обиды на парламентскую демократию. С целью ликвидировать ее лидер НСДАП использовал все возможности, которые предоставляла конституция.

Яростный национализм нацистов был использован против республики. В этой связи Винклер замечает, что крайний национализм Гитлера был не только ответом на травму проигранной войны и национальное унижение Версалем. Он вобрал в себя противоречивые интересы различных слоев, которые собрались под знамена свастики. Страху перед социальным потрясением Гитлер противопоставил обещание национального возрождения. Он особенно обращался к средним слоям, которые в ходе мирового кризиса были сильно напуганы ростом влияния компартии. Но прежде всего крайний национализм был контридеологией марксистскому интернационализму, все равно - социалистического или коммунистического толка. Национализм Гитлера и

НСДАП отвечал потребностям не только буржуазных избирателей, но также “национально” настроенных рабочих⁸¹. Одновременно, пишет М. Функе, НСДАП проповедовала социал-патриотизм вместо идеологии классовой борьбы. Целью нацистской социально-экономической политики являлась депролетаризация немецких рабочих⁸². Нацистская пропаганда, продолжает автор, разлагающе действовала в плане дискредитации республиканских конституционных ценностей. Она обещала достигнуть единства народа, государства и расы как желанного пути немцев, который будет в равной мере отличаться от социалистической диктатуры и от политических культурных идеалов Запада. Многие немцы были очарованы гитлеризмом как синтезом архаических ценностей и революционного обновления⁸³. Действительно, добавляет Брахер, в условиях кризиса парламентского государства пропаганда нацистов действовала эффективно и виртуозно. Она апеллировала ко всем слоям немецкого общества под лозунгами “национального социализма”, “социальной народной общности”, “национального величия”, “политического единства” и стремилась объединить различные интересы и желания⁸⁴. В этой связи историки ФРГ выдвигают тезис, что НСДАП, более чем любая другая партия Веймарской республики, по своему социальному составу соответствовала “народной партии”. Ее можно характеризовать не просто как партию буржуазного среднего сословия, она превратилась в “интеграционную партию”, которая имела свою главную социальную опору в средних слоях, но ее поддерживали и другие социальные слои, включая часть рабочих⁸⁵.

В новейших исследованиях единодушно отмечается, что на рубеже 1929 - 1930 годов антидемократические, националистические правые силы начали массированный штурм республики. Ядром этих сил и главным орудием в этом наступлении была НСДАП. Это было связано с невиданной по своим масштабам националистической кампанией против принятого в июне 1929 года в Париже нового репарационного плана Юнга. Нацистская партия превратила свою агитацию в шумный суд над “системой”, якобы погрязшей в бездарности, предательстве и спекуляциях, отравляя сознание немцев ядом шовинизма и национализма. Кампания против плана Юнга вывела НСДАП из по-

литической изоляции⁸⁶. Это был большой успех нацистской партии. Во-первых, Гитлер получил на несколько месяцев превосходную платформу для своей пропаганды. Во-вторых, Гитлер отныне мог надеяться, что он будет признан “хорошим обществом” как приемлемый партнер. Фюрер мог рассчитывать через А. Гугенберга найти доступ к влиятельным промышленникам. Отныне респектабельные правые считались с ним и предоставляли ему денежные средства, которые способствовали дальнейшему подъему НСДАП⁸⁷.

Быстрому росту нацистского движения и влиянию НСДАП способствовал начавшийся в октябре 1929 года мировой экономический кризис. Лидеры этой партии клеймили кризис, обвиняя во всех бедах, трудностях и тяжелом положении трудящихся существующую систему. Психологический шок, вызванный кризисом, и эмоциональное состояние многих немцев, порожденное этим шоком, - страх, недовольство, отчаяние, пессимизм, разочарование - было использовано национал-социалистами. Многие немцы увидели в Гитлере “избавителя” от бедствий кризиса. Как пишет Кольб, Гитлер и НСДАП имели большой успех среди широких слоев населения по следующим причинам. Они мастерски апеллировали к населению с грубой смесью национализма, антисемитизма, антима르크сизма, антилиберализма, а также к настроениям “ожидания вождя”, широко распространенным в Германии в 20-е - начале 30-х годов⁸⁸. Автор отмечает колоссальную роль массового воздействия нацистской пропаганды на часть населения. Сентябрьские выборы в рейхстаг 1930 года, когда НСДАП одержала ошеломляющую победу, без сомнения являлись судьбоносной датой немецкой истории, так как они подчеркивали решающий прорыв нацистского движения, которое теперь стало фактором германской политики и с которым должны были считаться⁸⁹. НСДАП создала многочисленную фракцию, которая смогла постепенно парализовать нормальную работу рейхстага. Как показывают факты, деятельность национал-социалистических фракций в ландтагах земель также была составной частью борьбы НСДАП против демократической системы. С превращением нацистской фракции в сильнейшую (июль 1932 года) рейхстаг стал фактически недееспособен. Он был почти целиком выключен из законодательной деятельности. Крайне

правые воевали с крайне левыми, устраивали друг другу обструкции, парализовав тем самым работу парламента⁹⁰.

Верно отмечается, что рост влияния НСДАП, наблюдавшийся с конца 1929 года, происходил за счет "вымывания" потенциальных избирателей из электората партий буржуазного лагеря⁹¹. Само существование на политической арене страны такой силы, как НСДАП, чье влияние росло по мере ослабления буржуазных партий, избиратели и сторонники которых переходили на сторону национал-социалистов, сыграло роль "катализатора" кризиса системы буржуазных партий в целом. Своими успехами в избирательных кампаниях 1930-го и особенно 1932 года НСДАП нанесла поражение демократической системе и своим буржуазным конкурентам. Нацисты обливали грязью правительство и его исполнительные органы, беззастенчиво нарушали законы государства и угрожали расправой своим политическим противникам. Пренебрежение законностью, потворство нацистам со стороны властей, создание штурмовиками атмосферы неслыханного, парализующего страха - все это подрывало авторитет государства и деморализующе действовало на противников нацизма. Отряды СА, военизированный кулак НСДАП, терроризировали политических противников, к которым относились прежде всего левые. Уличный террор нацистов приобрел невиданный размах. Особенно 1932 год был для СА кровавой борьбой на улицах и за улицы немецких городов с коммунистами и республиканским "Рейхс-банкером", а также в многочисленных избирательных кампаниях⁹². Каждому штурмовику внушалась мысль, что главной задачей национал-социалистического движения является уничтожение ненавистой республики и создание нового национал-социалистического государства. Организованное насилие было главным в политической практике нацизма, и применялось оно в политических целях.

Нужно согласиться с мнением тех историков, которые утверждают, что стремительный подъем НСДАП с 1929 года, несмотря на экономический кризис и колоссальные агитационные и организационные усилия, произошел благодаря мощной финансовой поддержке крупной германской буржуазией и банкирами, а также сохранению в госаппарате республики традиции управления авторитарного "государства власти", предрасположенность

бюрократии и судебной власти к иерархически-авторитарной идеологии порядка⁹³. Без такой поддержки или хотя бы терпимого отношения со стороны рейхсвера и крупной промышленности НСДАП не завоевала бы власть. Без сотрудничества германской индустрии и нацистской партии Гитлер и его соратники по партии никогда не смогли бы получить и укрепить власть в Германии и "третий рейх" не рискнул бы ввергнуть мир в войну⁹⁴. Поэтому на крупной германской промышленности и политической элите, пишут П. Лонгерих и Т. Трумпп, лежит ответственность не только за крушение первой немецкой республики, но также за поддержку Гитлера и подъем национал-социализма⁹⁵. Далее Трумпп подчеркивает, что финансовая помощь, оказанная нацистам крупной промышленностью, не идет в сравнение с громадной поддержкой НСДАП со стороны городских и сельских средних слоев, прежде всего в протестантской северной, центральной и восточной Германии⁹⁶. Политически консервативные силы германского общества, как в средних слоях, так и среди традиционного высшего класса (крупные аграрии и крупная промышленность) приняли активное участие в передаче власти Гитлеру. "Логика антилиберального развития", продолжает автор, в последние два месяца Веймарской республики заключалась в более тесном сближении консерваторов и национал-социалистов. Так, обе стороны сошлись друг с другом на требовании "здоровая экономика в сильном государстве". И наконец, они объединились вместе в коалиции Гитлера - Папена 30 января 1933 года⁹⁷.

Хофман также высказывает идею, что подъем НСДАП и передача ей власти стали возможны только в результате нехватки демократов в Германии и особенно таких демократов, которые были готовы защищать конституционный строй всеми средствами. Партия Гитлера, таким образом, смогла опереться на широкую основу "антидемократического мышления", которая в условиях всеохватывающего экономического кризиса и "паники средних слоев" сумела мобилизовать для себя сторонников в большом количестве⁹⁸.

Одну из причин успеха национал-социализма некоторые исследователи видят в том, что политическая линия, начиная от Брюнинга через Папена к Шлейхеру, усиливала развитие правого направления и реставраторской тенденции. В январе 1933 года

Гитлер предстал как продолжатель этой линии, располагавший тем преимуществом, что имел в своем распоряжении массовый базис. Гитлер был со своей стороны достаточно умным, чтобы не выражать открыто как перед Гинденбургом, так и перед общественностью волю к радикальным изменениям. Он делал вид, что заботится только о восстановлении порядка⁹⁹.

Сам факт назначения Гитлера канцлером 30 января 1933 года означал сильнейший удар по Веймарской республике и предопределил ее трагический конец. Гитлер использовал предоставленный ему шанс для укрепления своих позиций, позиций НСДАП и для установления национал-социалистической диктатуры. Стремительный подъем Гитлера от неудавшегося художника до “вождя” Германского рейха поразил тогда многих. Этой карьерой он в значительной мере был обязан своему ораторскому и пропагандистскому таланту. Гитлер умел с большой тактической гибкостью привлекать на свою сторону союзников и выживать противников, терпеливо ждать благоприятного стечения обстоятельств, хладнокровно использовать внезапные возможности, не терять голову в критических ситуациях, настойчиво преследовать долгосрочные цели. Он умел обращаться с “кнутом и пряником” и привязывать к себе людей, способности которых были ему нужны. НСДАП немедленно приступила к кардинальной реорганизации политической, юридической и административной структуры Веймарской республики. Брахер верно отмечает, что Гитлер воспользовался диктаторскими полномочиями президента, чтобы чередой радикальных распоряжений в течение февраля и марта 1933 года сделать общественное мнение послушным национал-социалистической пропаганде (под руководством Геббельса), устранить основные права, унифицировать земли и подчинить всю общественную жизнь перманентному чрезвычайному положению¹⁰⁰.

В работах немецких историков единодушно отмечается, что после провокационного поджога рейхстага 27 февраля на следующий день, 28 февраля, президент Гинденбург подписал “Указ о защите народа и государства”, отменявший важнейшие демократические статьи конституции. Согласно указу вводились ограничения на свободу личности, свободу мнений, свободу печати, свободу собраний и организаций; дозволялось нарушение тайны

почтовой и телеграфной переписки, телефонных разговоров, проведение обысков, конфискация имущества, ограничение права собственности сверх пределов, ранее предусматриваемых законодательством. Другие параграфы указа устанавливали смертную казнь, каторжные работы, тюремное заключение за нарушение указа, за попытки покушения на жизнь членов правительства и поджог, за подстрекательство или призывы к противодействию¹⁰¹. Этот указ стал важнейшим законом нацистского режима, заменившего правовое государство. Он никогда не отменялся и действовал вплоть до 1945 года. Историк Э. Экель пишет, что этим указом было ликвидировано правовое государство и создана главная правовая основа для господства Гитлера¹⁰².

23 марта 1933 года рейхстаг проголосовал за предоставление правительству Гитлера чрезвычайных полномочий. Теперь оно получало право вносить изменения в конституцию; за правительством закреплялось право принимать законы без санкции парламента, канцлер получал полномочия самостоятельно разрабатывать и вносить в правительство такого рода законы; договоры с иностранными государствами не подлежали более ратификации парламентом¹⁰³. Так, по мнению некоторых историков, рейхстаг лишился роли высшего законодательного учреждения государства. Этим была упразднена парламентская правительственная система¹⁰⁴. Более того, рейхспрезидент был теперь почти полностью лишен власти; Веймарская конституция, по существу, перестала действовать. С этой самоунификацией парламента диктатура Гитлера была узаконена¹⁰⁵.

После уничтожения всех и всяких политических партий и массовых организаций в Германии 14 июля 1933 года правительством был издан закон, который закрепил полную политическую монополию НСДАП. Таким образом, было провозглашено однопартийное государство. Закон запрещал восстанавливать распущенные политические партии и создавать новые. Это был новый триумф Гитлера и важный этап на пути нацистской унификации и укрепления гитлеровского режима. Оставался только полный жертв путь в "нелегальное" сопротивление, по которому пошла часть рабочего класса, позднее - часть церкви, буржуазии, интеллигенции, наконец, - часть армии. Он предлагал мало надежд на успех. Ведь к тому времени произошла консолидация нацистско-

го государства, отсутствовали свободы и гарантии прав человека, был значительно расширен аппарат пропаганды, террора, угроз, который обеспечивал согласие и страх населения, равно как и основы нового "третьего рейха". С принятием 30 января 1934 года закона "О реконструкции рейха" был завершен процесс разрушения Веймарской республики: были ликвидированы ландтаги и упразднено федеральное самоуправление в землях¹⁰⁶. Брахер считает, что Гитлер смог путем обещаний военным и путем кровавой чистки соперничающих СА (30 июня 1934 года) привлечь армию к союзу интересов и фактически подчинить ее своей претензии на власть. Процесс взятия власти был завершен, когда в начале августа 1934 года, непосредственно после смерти беспомощного Гинденбурга, рейхсвер присягнул лично Гитлеру и одновременно высшие государственные посты - президентство и канцлерство - были соединены в руках "фюрера и рейхсканцлера", не вызвав действенного сопротивления в рядах армии и группы Гинденбурга¹⁰⁷.

По мнению исследователей, источники легитимности третьего рейха должны рассматриваться на фоне осознанных недостатков Веймарской республики:

а) кризис политических ценностей Веймарской республики. Западная либеральная демократия, чуждая немцам, была навязана "врагами Бисмарковского рейха" (социал-демократами, либералами, католиками). В 1918 году они пришли к власти и создали "веймарскую коалицию";

б) демократический режим Веймарской республики ассоциировался с политической нестабильностью и конфликтами;

в) экономический кризис (гиперинфляция 1923 года и депрессия с массовой безработицей 1929 - 1933 годов);

г) отсутствие национального единства (раздробленность политических партий и их соперничество, ведущие в некоторых случаях к физической конфронтации) и национальное унижение (Версальский договор).

Поэтому третий рейх был обязан своей легитимностью преодолению этих недостатков:

а) он заново утвердил традиционные ценности посредством сильной исполнительной власти и преданности крайнему национализму;

б) добился политической стабильности, хотя бы в форме диктатуры, не терпящей никакой оппозиции;

в) обеспечил относительное экономическое процветание в сравнении с кризисом 1929 - 1933 годов и, прежде всего, полную занятость;

г) нацистский режим заручился массовой поддержкой;

д) национал-социалистическая диктатура в глазах многих немцев стала символом национального возрождения. Она создала впечатление национального единства путем исключения ряда групп, обреченных на пребывание вне нового "национального общества";

е) она восстановила национальный престиж за рубежом путем мирного пересмотра Версальского договора;

ж) важнейшим для легитимности нацистского режима была роль Гитлера как харизматического лидера. Частично это было результатом очевидного успеха режима в разрешении проблем, терзавших Веймар. Нацистская пропаганда связывала эти успехи лично с Гитлером, представляя его полубогом, спасителем Германии от хаоса так называемого "системного периода", то есть Веймарской республики.

Как показала история, немцы заплатили слишком большую цену за политику национал-социалистов. Двенадцатилетний период нацистской диктатуры с ее чудовищными преступлениями является сильнейшим аргументом в пользу свободы и демократии.

Заключение

В данном учебном пособии мы рассмотрели в основном труды социал-реформистских, либеральных и леволиберальных историков. Их работы занимают ведущее место в германской историографии по Веймарской республике. Анализ этих исследований показывает различный диапазон их взглядов и интересов, остроту исследуемой проблемы. Спор историков разных направлений закономерен. Он способствует, при использовании многообразия фактов и аргументов, более глубокому пониманию и осознанию исторической правды. В своих трудах исследователи сделали интересные наблюдения, важные выводы и обобщения о происхождении, становлении, причинах слабости и краха Веймарской республики. Следует отметить, что на идейно-политическую установку современной германской историографии накладывает отпечаток ценностная ориентация на коренные принципы западной, свободной демократии.

Социал-демократические историки внесли огромный вклад в изучение истории Веймарской республики. К их числу относятся Г.А. Винклер, Э. Кольб, М. Шнейдер, П. фон Мюлен и другие. Они уделяют большое внимание проблемам рабочего движения, деятельности социал-демократии, внутри- и межпартийным процессам в годы республики, политическим катаклизмам в высших эшелонах власти, критикуют нерешительность и пассивность лидеров СДПГ на заключительном этапе республики, их ошибки и просчеты, которые в общем-то ослабляли республику. В то же время эти историки оправдывают мотивы социал-демократов или говорят о безальтернативности их действий и обвиняют компартию в гибели буржуазно-парламентской демократии.

Многие видные немецкие ученые принадлежат к либеральному или леволиберальному направлениям. Наиболее яркими его представителями являются К.Д. Брахер, М. Брошат, Г. Моммзен, П. Лонгерих, Э. Экель, Р. Хофман, Д.И.К. Пойкерт и другие. Они, как, впрочем, и другие историки, жестко критикуют антиреспубликанскую деятельность консервативно-националистического окружения рейхспрезидента П. Гинденбурга. На него авторы

справедливо возлагают главную вину за крах республики и приход нацистов к власти. Однако среди либеральных историков нет единого мнения относительно роли канцлера Г. Брюнинга в судьбе республики. Одни исследователи видят в нем “спасителя веймарской демократии”. Другие полагают, что Брюнинг стремился подорвать позиции республики и немало сделал для этого. В последние годы в социал-реформистской и либеральной историографии пересматривается прежнее отношение к фигуре канцлера К. фон Шлейхера. Многие авторы считают, что планы чрезвычайного правления последнего нельзя ставить на одну доску с папеновским проектом воссоздания авторитарного государства. Они полагают, что правление Шлейхера было приемлемой альтернативой нацистской диктатуре.

Исследователи либерального и леволиберального направлений ищут новые аспекты в изучении истории первой республики. Они пытаются рассматривать ее в новой плоскости - как историю германского общества. Так, М. Брошат рисует психологический портрет фронтовика первой мировой войны. Он пытается выяснить, почему вернувшиеся с войны солдаты стали той взрывоопасной массой немецкого общества, которая составила костяк радикальных экстремистских группировок и стала фактором постоянной нестабильности внутриполитической жизни республики. Другой пример. Леволиберальный историк Д. Пойкерт затрагивает вопросы демографии, положения женщин, состояния семьи, эволюции политических взглядов немецкого обывателя. Он пытается также определить социальный и возрастной состав граждан, наиболее подверженных пропаганде радикальных партий.

Кроме того, Пойкерт является сторонником концепции модернизации. Свою книгу о Германии 20 - 30-х годов он назвал: “Веймарская республика. Кризисные годы классического модернизма”. Автор рассматривает историю республики с точки зрения теории модернизации. По его мнению, республика представляла высший пункт того классического модернизма, который начал развиваться на рубеже XIX - XX веков. В нем возникли процессы нашего современного мира, произошел прорыв современной социальной политики, техники, естествознания, урбанизации, гуманитарных наук и современного искусства, музыки, архитектуры,

литературы и повседневной жизни людей. В республике имелись все особенности современного существования. Одновременно, как пишет автор, в это время классический модернизм переживал свой кризис¹. Итак, Веймарская республика была не только временем расцвета, но и кризиса классического модернизма². “Особенность” Германии периода 1918 - 1932 годов состояла, с одной стороны, в резком и неприукрашенном прорыве модернизации, а с другой - в сочетании слишком многих кризисных факторов. Эта особая ситуация указывает именно на кризисную предрасположенность того процесса модернизации, который мы привыкли видеть как нормальное положение³. Пойкерт подчеркивает, что процесс модернизации в Германии в 20-е годы проходил более грубо и неприкрыто, чем в других странах. В нем выявились как светлые, так и темные стороны. В своей книге он использует термин “растерянная модернизация”⁴. Автор поясняет, что категорию “модернизация” нельзя просто так разделить: здесь - “прогресс”, там - “реакция” уже потому, что процесс модернизации сам по себе является противоречивым⁵. И поэтому, констатирует он, дискуссия вокруг модернизма, с одной стороны, усиливается, а с другой - ясно, что в межвоенный период модернизация протекала кризисно⁶.

По мнению Пойкерта, сам эксперимент модернизма проходил в сложных условиях и ограниченно временем. Более 30 лет мировая экономическая и политическая система находилась в структурном кризисе, низшая точка которого падает на мировой экономический кризис 1929 - 1933 годов и вторую мировую войну⁷. Пойкерт считает, что провал политики Брюнинга и Папена подтвердил, что динамику процесса модернизации более не приостановить. Если бы Брюнинг и Папен имели успех, видимо, их режим встал бы на традиционную линию “особого пути”. Напротив, Гитлеру удалось мобилизовать массы, напуганные и поднятые кризисом модернизма, в тотально сплоченное движение⁸. Так, немецкий кризис начала 30-х годов способствовал “немецкой катастрофе”, потому что в нем обострились противоречия классического модернизма⁹.

Гибель Веймарской республики имела колоссальное значение для последующей истории Германии в XX веке. Пришедшая ей на смену национал-социалистическая диктатура стоила жизни

многим миллионам немцев. После окончания второй мировой войны Германия почти на столетия оказалась разделена на западную часть и на меньшую восточную часть, на две враждебные друг другу системы. Таким образом, только в начале 90-х годов Германии удалось преодолеть трагические последствия краха Веймарской республики в 1933 году.

Примечания

Введение

1. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München, 1993. S. 11.
2. Schulze H. Weimar. Deutschland 1917 - 1933. Berlin, 1994. S. XII.
3. Mommsen H. Die verspielte Freiheit. Der Weg der Republik von Weimar in den Untergang 1918 bis 1933. Frankfurt/Main; Berlin, 1989. S. 7.
4. Бабиченко Л.Г. Политбюро ЦК РКП(б), Коминтерн и события в Германии в 1923 г. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1994. N 2; Чигрин И.Д. Рабочая политика социал-демократии и профсоюзов Германии в 1918 - 1928 гг. Уфа, 1993; Биск И.Я. Пресса Веймарской Германии. Иваново, 1995; Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики. М., 1978; Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972; Орлова М.И. Германская революция 1918 - 1919 гг. в историографии ФРГ. Изд-во МГУ, 1986; Ее же. Революционный кризис 1923 г. в Германии и политика Коммунистической партии. Изд-во МГУ, 1973.
5. Орлова М.И. Канцлер Брюнинг как консервативная альтернатива Гитлеру. Споры германских историков // Новая и новейшая история. 1994. N 2.
6. Овчинникова Л.В. Крах Веймарской республики в буржуазной историографии ФРГ. Изд-во МГУ, 1983.
7. Die Weimarer Republik 1918 - 1933. Politik. Wirtschaft. Gesellschaft. Hrsg. K.D. Bracher, M.Funke, H.-A. Düsseldorf, 1988.
8. Die deutsche Staatskrise 1930 - 1933. Handlungsspieleräume und Alternativen. Hrsg. H.A. Winkler. München, 1992.
9. Das Ende Weimarer Republik und die nationalsozialistische Machtergreifung. Hrsg. C. Gradmann und O. von Mengersen. Heidelberg, 1994.

Глава I

1. Möller H. Weimar. Die unvollendete Demokratie. München, 1985. S. 205.
2. Schulze H. Weimar. Deutschland 1917 - 1933. Berlin, 1994. S. 428.
3. Peukert D.J.K. Die Weimarer Republik. Kriesenjahre der klassischen Moderne. Frankfurt/Main, 1987. S. 34.
4. Jasper G. Die gescheiterte Zähmung. Wege zur Machtergreifung Hitlers 1930-1934. Frankfurt/Main, 1986. S. 7.
5. Kolb E. Die Weimarer Republik. Wien; Oldenbourg, 1984. S. 1-2.
6. Longerich P. Deutschland 1918 - 1933: Die Weimarer Republik. Handbuch zur Geschichte. Hannover, 1995. S. 15.
7. Die Weimarer Republik 1918 - 1933. S. 9.
8. Winkler H.A. Die Vermeidung des Bürgerkrieges. Zur Kontinuität sozial-demokratischer Politik in der Weimarer Republik // Nation und Gesellschaft in Deutschland. Historische Essays/ Hrsg. M. Hettling und P. Nolte. München, 1996. S. 282-284.
9. Ibid. S. 283.
10. Ibid. S. 284-285; Kolb E. Die Weimarer Republik. S. 13; Bold H. Die Weimarer Reichsverfassung // Die Weimarer Republik 1918-1933. S. 46.
11. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 40.
12. Böckenförde E.-W. Der Zusammenbruch der Monarchie und die Entstehung der Weimarer Republik // Die Weimarer Republik 1918 - 1933. S. 29-30; Kolb E. Op. cit. S. 10-13.
13. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 38-39.
14. Longerich P. Op. cit. S. 54.
15. Hofmann R. Geschichte der deutschen Parteien. Von der Kaiserzeit bis zur Gegenwart. München; Zürich, 1993. S. 142.
16. Schulze H. Weimar. Deutschland 1917 - 1933. S. XX.
17. Kolb E. Op. cit. S. 14.
18. Hentschel V. Die Sozialpolitik in der Weimarer Republik // Die Weimarer Republik 1918 - 1933. S. 199.
19. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 225.
20. Schulze H. Vom Scheitern einer Republik // Die Weimarer Republik 1918 - 1933. S. 622.
21. Böckenförde E.-W. Op. cit. S. 34-35.
22. Hofmann R. Op. cit. S. 132, 142.
23. Jäckel E. Hitlers Herrschaft. Vollzug einer Weltanschauung. Stuttgart, 1986. S. 18-19.
24. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 600.
25. Ibid. S. 602.

26. Winkler H.A. Requiem für eine Republik. Zum Problem der Verantwortung für das Scheitern der ersten deutschen Demokratie // Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Bonn, 1994. S. 58.
27. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 44.
28. Ibid. S. 46-47, 601.
29. Ibid. S. 48, 601.
30. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 77.
31. Ibid. S. 41.
32. Kolb E. Op. cit. S. 35.
33. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 97.
34. Kolb E. Op. cit. S. 35.
35. Ibid. S. 187-188.
36. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 97.
37. Kolb E. Op. cit. S. 31.
38. Ibid. S. 35.
39. Böckenförde E.-W. Op. cit. S. 42-43.
40. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 602.
41. Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933 // Nationalsozialistische Diktatur 1933 - 1945. Eine Bilanz. Hrsg. K.D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen. Bonn, 1986. S. 21; Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 22.
42. Boldt H. Die Weimarer Reichsverfassung // Die Weimarer Republik 1918 - 1933. S. 59.
43. Ibidem.
44. Ibid. S. 60.
45. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 107.
46. Ibid. S. 105.
47. Ibid. S. 105-106.
48. Kolb E. Op. cit. S. 19.
49. Bracher K.D. Die zweite Demokratie in Deutschland. Von Weimar nach Bonn // Deutschland zwischen Demokratie und Diktatur. Beiträge zur neueren Politik und Geschichte. München, 1964. S. 112.
50. Boldt H. Op. cit. S. 61.

Глава II

1. Winkler H.A. Die Vermeidung des Bürgerkrieges. S. 288.
2. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 135.
3. Longerich P. Deutschland 1918 - 1933. S. 112.
4. Ibid. S. 112-113.
5. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 136.
6. Longerich P. Deutschland 1918 - 1933. S. 113.

7. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 212-213.
8. Winkler H.A. Die Vermeidung des Bürgerkrieges. S. 289.
9. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 225.
10. Ibid. S. 226.
11. Winkler H.A. Die Vermeidung des Bürgerkrieges. S. 289-290.
12. Ibid. S. 291.
13. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 241.
14. Ibidem.
15. Schwabe K. Der Weg der Republik vom Kapp - Putsch 1920 bis zum Scheitern des Kabinetts Müller 1930 // Die Weimarer Republik 1918 - 1933. S. 112.
16. Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933. S. 27.
17. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 85-86.
18. Ibid. S. 85.
19. Kolb E. Op. cit. S. 54.
20. Schwabe K. Op. cit. S. 117-118.
21. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 237.
22. Ibid. S. 239-240.
23. Schwabe K. Op. cit. S. 118.
24. Kolb E. Op. cit. S. 108-109.
25. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 235.
26. Ibid. S. 613.
27. Ibid. S. 594.
28. Ibid. S. 613.
29. Striefler Ch. Kampf um die Macht. Kommunisten und Nationalsozialisten am Ende der Weimarer Republik. Berlin, 1993. S. 299.
30. Ibid. S. 299, 384.

Глава III

1. Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933. S. 21.
2. Ibid. S. 20.
3. Kolb E. Op. cit. S. 119.
4. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 243.
5. Ibid. S. 251-252.
6. Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933. S. 31.
7. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 243.
8. Ibidem.
9. Die deutsche Staatskrise 1930 - 1933. S. 50-51.

10. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 372, 597.
11. Ibid. S. 363, 372, 597.
12. Ibid. S. 373.
13. Ibid. S. 474.
14. Kolb E. Op. cit. S. 91.
15. Ibid. S. 123.
16. Ibidem.
17. Ibid. S. 124.
18. Ibid. S. 38.
19. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 257.
20. Longerich P. Op. cit. S. 264.
21. Funke M. Republik im Untergang. Die Zerstörung des Parlamentarismus als Vorbereitung der Diktatur // Die Weimarer Republik 1918 - 1933. S. 505, 507.
22. Bracher K.D. Op. cit. S. 28.
23. Mommsen H. Entscheidung für den Präsidialstaat: Komplette der Machteliten oder Selbstpreisgabe einer Demokratie? // Die deutsche Staatskrise 1930 - 1933. S. 1-2.
24. Jäckel E. Op. cit. S. 21-22.
25. Die deutsche Staatskrise 1930 - 1933. S. 54
26. Ibid. S. 49.
27. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 374.
28. Ibidem.
29. Die deutsche Staatskrise 1930 - 1933. S. X.
30. Ibidem; Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 386-387.
31. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 284.
32. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 212.
33. Ibid. S. 213; Kolb E. Op. cit. S. 81-82.
34. Broszat M. Der Staat Hitlers. München, 1989. S. 20.
35. Broszat M. Die Machtergreifung. Der Aufstieg der NSDAP und die Zerstörung der Weimarer Republik. München, 1990. S. 121.
36. Broszat M. Der Staat Hitlers. S. 23.
37. Bracher K.D. Op. cit. S. 28.
38. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 376, 404; Die deutsche Staatskrise 1930 - 1933. S. XI.
39. Funke M. Op. cit. S. 508.
40. Ibid. S. 510; Kolb E. Op. cit. S. 133.
41. Funke M. Op. cit. S. 511.
42. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 475.
43. Ibid. S. 610.
44. Ibid. S. 472, 474, 476.

45. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 250.
46. Ibid. S. 252-253.
47. Ibid. S. 253-254.
48. Ibid. S. 256-257.
49. Ibid. S. 259.
50. Ibid. S. 254.
51. Kämpfe - Krisen - Kompromisse. Kritische Beiträge zum 125-jährigen Jubiläum der SPD. D. Dowe/K. Klotsbach (Hrsg). Bonn, 1989. S. 72.
52. Jäckel E. Hitlers Herrschaft. S. 28; Broszat M. Der Staat Hitlers. S. 22.
53. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 396; Schönhoven K. Strategie des Nichtstuns? Sozialdemokratischer Legalismus und kommunistischer Attentismus in der Ära der Präsidialkabinette // Die deutsche Staatskrise 1930 - 1933. S. 68-70.
54. Schönhoven K. Strategie des Nichtstuns? S. 71.
55. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 398.
56. Winkler H.A. Requiem für eine Republik. S. 60-61.
57. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 253.
58. Ibid. S. 258.
59. Die deutsche Staatskrise 1930 - 1933. S. 106.
60. Petzold J. SPD und KPD in der Endphase der Weimarer Republik: Unüberwindbare Hindernisse oder ungenutzte Möglichkeiten? // Die deutsche Staatskrise 1930 - 1933. S. 80.
61. Ibid. S. 82.
62. Ibid. S. 83.
63. Ibidem.
64. Ibid. S. 84.
65. Ibid. S. 106.
66. Ibid. S. 86.
67. Jäckel E. Hitlers Herrschaft. S. 28; Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 449; Ero же. Requiem für eine Republik. S. 61.
68. Winkler H.A. Die Vermeidung des Bürgerkrieges. S. 293, 294; Schönhoven K. Strategie des Nichtstuns? S. 68.
69. Winkler H.A. Die Vermeidung des Bürgerkrieges. S. 294, 297.
70. Schönhoven K. Strategie des Nichtstuns? S. 67-68.
71. Winkler H.A. Requiem für eine Republik. S. 62; Ero же. Die Vermeidung des Bürgerkrieges. S. 298.
72. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 502-596; Ero же. Die Vermeidung des Bürgerkrieges. S. 298.

-
73. Die deutsche Staatskrise 1930 - 1933. S. 103-104; Kämpfe - Krisen - Kompromisse. S. 74-75.
74. Mommsen H. Die verspielte Freiheit. S. 452.
75. Petzold J. Franz von Papen. Ein deutsches Verhängnis. München, 1995. S. 92-93.
76. Ibid. S. 94.
77. Ibid. S. 88-89; Ero же. SPD und KPD in der Endphase der Weimarer Republik. S. 94.
78. Schlesische Volkszeitung. 1932. 1. August.
79. Petzold J. Franz von Papen. S. 82.
80. Petzold J. SPD und KPD in der Endphase der Weimarer Republik. S. 98.
81. Jäckel E. Hitlers Herrschaft. S. 29.
82. Longerich P. Op. cit. S. 325.
83. Ibidem.
84. Ibid. S. 324-325.
85. Ibid. S. 325.
86. Kolb E., Pyta W. Die Staatsnotstandsplanung unter den Regierungen Papen und Schleicher // Die deutsche Staatskrise 1930 - 1933. S. 158-159.
87. Broszat M. Die Machtergreifung. S. 144, 146.
88. Kolb E., Pyta W. Op. cit. S. 159-160; Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 524-525.
89. Kolb E., Pyta W. Op. cit. S. 161.
90. Ibid. S. 162-163.
91. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 525.
92. Kolb E., Pyta W. Op. cit. S. 160.
93. Junker D. Die Letzte Alternative zu Hitler: Verfassungsbruch und Militärdiktatur. Die machtpolitische Situation in Deutschland im Jahre 1932 // Das Ende der Weimarer Republik und die Nationalsozialistische Machtergreifung. Heidelberg, 1994. S. 74.
94. Ibid. S. 75.
95. Ibid. S. 74.
96. Ibid. S. 73.
97. Winkler H.A. Requiem für eine Republik. S. 64.
98. Junker D. Op. cit. S. 70.
99. Ibid. S. 72.
100. Kolb E., Pyta W. Op. cit. S. 164.
101. Longerich P. Op. cit. S. 334.
102. Kolb E., Pyta W. Op. cit. S. 165.
103. Junker D. Op. cit. S. 78-79.
104. Kolb E., Pyta W. Op. cit. S. 165.

105. Ibid. S. 166.
106. Longerich P. Op. cit. S. 337.
107. Junker D. Op. cit. S. 76.
108. Ibid. S. 77.
109. Ibid. S. 80.
110. Kolb E., Pyta W. Op. cit. S. 172; Longerich P. Op. cit. S. 344.
111. Kolb E., Pyta W. Op. cit. S. 171.
112. Ibid. S. 172.
113. Ibid. S. 174.
114. Petzold J. Franz von Papen. S. 117; Junker D. Op. cit. S. 81; Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 554-555.
115. Longerich P. Op. cit. S. 344-345.
116. Junker D. Op. cit. S. 81; Longerich P. Op. cit. S. 344.
117. Longerich P. Op. cit. S. 342-343.
118. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 553.
119. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 259.
120. Hofmann R. Op. cit. S. 165.
121. Broszat M. Der Staat Hitlers. S. 18.
122. Broszat M. Die Machtergreifung. S. 156.
123. Kolb E., Pyta W. Op. cit. S. 178.
124. Ibidem.
125. Ibid. S. 179.
126. Junker D. Op. cit. S. 82.
127. Ibid. S. 83.
128. Ibid. S. 83, 85.
129. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 583, 608.
130. Ibid. S. 608-609.
131. Kolb E., Pyta W. Op. cit. S. 181.
132. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 594, 608.
133. Ibid. S. 582-583.
134. Ibid. S. 583.
135. Winkler H.A. Die Vermeidung des Bürgerkrieges. S. 303.
136. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 580, 606.
137. Ibid. S. 591.
138. Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933. S. 28-29.
139. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 259-260, 261, 270.
140. Longerich P. Op. cit. S. 356.
141. Ibid. S. 359-360.

Глава IV

1. Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933. S. 29.
2. Ibid. S. 36.
3. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 609.
4. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 259.
5. Kolb E. Op. cit. S. 124.
6. Ibid. S. 123.
7. Ibid. S. 141.
8. Kistler H., Preiter C. Der Nationalsozialismus // Informationen zur politischen Bildung 123/ 126/ 127. März 1991. S. 22.
9. Longerich P. Op. cit. S. 354.
10. Ibidem.
11. Ibid. S. 355-356.
12. Ibid. S. 356.
13. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 259.
14. Broszat M. Die Machtergreifung. S. 137.
15. Vogt M. Parteien in der Weimarer Republik. S. 155-156; Die Republik von Weimar. Das politische System. Bd. 1. J. Flemming, C.-D. Krohn, D. Stegmann, P.-C. Witt (Hrsg.). Düsseldorf, 1979. S. 111; John J. Zur politischen Rolle der Grossindustrie in der Weimarer Staatskrise // Die deutsche Staatskrise 1930 - 1933. S. 224-235.
16. Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933. S. 32.
17. Ibid. S. 21, 27.
18. Funke M. Republik im Untergang. Die Zerstörung des Parlamentarismus als Vorbereitung der Diktatur. S. 531.
19. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 607.
20. Broszat M. Der Staat Hitlers. S. 17.
21. Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933. S. 29.
22. Ibid. S. 30-31.
23. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 270.
24. Ibid. S. 265.
25. Ibid. S. 261, 264.
26. Ibid. S. 263-264.
27. Kolb E. Op. cit. S. 122.
28. Ibid. S. 124, 141.
29. Ibid. S. 141.
30. Ibid. S. 140.
31. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 599-600.

32. Ibid. S. 601; (В свое время этот тезис был подвергнут тщательному разбору в книге М.И. Орловой "Германская революция 1918 - 1919 гг. в историографии ФРГ". Изд-во МГУ, 1986. С. 265).
33. Ibid. S. 607, 614.
34. Ibid. S. 614.
35. Hofmann R. Op. cit. S. 112-113.
36. Kistler H., Preiter C. Der Nationalsozialismus. S. 22.
37. 1933. Wie die Republik der Diktatur erlag. V. Rittberger (Hrsg.). Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1980. S. 80; Hofmann R. Op. cit. S. 175.
38. См. подробно: Биск И.Я. Пресса Веймарской Германии. Иваново, 1995. С. 61-68.
39. Kolb E. Op. cit. S. 75, 123.
40. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 343.
41. Hofmann R. Op. cit. S. 175.
42. Kolb E. Op. cit. S. 123; Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 303.
43. Mommsen H. Der lange Schatten der untergehenden Republik. S. 555-556; Hofmann R. Op. cit. S. 160, 165.
44. Kolb E. Op. cit. S. 85; Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 344.
45. Mommsen H. Op. cit. S. 554.
46. Hofmann R. Op. cit. S. 118; См. также: Ерин М.Е. Распад партийной системы и крах Веймарской республики. Ярославль, 1992. С. 64-81.
47. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 207-208.
48. Hofmann R. Op. cit. S. 125.
49. Ibid. S. 124.
50. Ibid. S. 129.
51. Vogt M. Parteien in der Weimarer Republik. S. 148.
52. Люкс Л. Коммунистические теоретики о фашизме: озарения и просчеты // Полис. 1991. № 4. С. 84.
53. Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933. S. 21-22.
54. Ibid. S. 33.
55. Ibid. S. 25.
56. Striefler Ch. Op. cit. S. 10.
57. Ibid. S. 82.
58. Ibid. S. 142-143, 145.
59. Ibid. S. 382, 385.
60. Ibid. S. 297.
61. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 91.
62. Ibidem.
63. Schönhoven K. Strategie des Nichtstuns? S. 73.

-
64. Ibid. S. 72.
65. Hofmann R. Op. cit. S. 137, 142-143.
66. Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933. S. 33.
67. Winkler H.A. Von der Revolution zur Stabilisierung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1918 bis 1924. Berlin; Bonn, 1984. S. 9-15.
68. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 598.
69. Winkler H.A. Der Weg in die Katastrophe. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1930 bis 1933. Berlin; Bonn, 1988, 1990. S. 954.
70. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 593, 594.
71. Kämpfe - Krise - Kompromisse. S. 75.
72. Ibid. S. 84-85.
73. Ibid. S. 87.
74. Sontheimer K. Die politische Kultur der Weimarer Republik // Die Weimarer Republik 1918 - 1933. S. 459; Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 300-301.
75. Sontheimer K. Op. cit. S. 460-461; Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 302, 303.
76. Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997. С. 545-546.
77. Гитлер А. Моя борьба. ИТФ "Т-ОКО", 1992. С. 443, 445, 480.
78. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 594, 613.
79. Ibid. S. 613.
80. Ibid. S. 612.
81. Ibid. S. 611.
82. Funke M. Republik im Untergang. S. 519.
83. Ibid. S. 530.
84. Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933. S. 31-32.
85. Kolb E. Op. cit. S. 118; Tyrell A. Der Aufstieg der NSDAP zur Macht // Die Weimarer Republik 1918 - 1933. S. 476; Hofmann R. Op. cit. S. 184-185.
86. Kolb E. Op. cit. S. 117.
87. Winkler H.A. Weimar 1918 - 1933. S. 356; Schwabe K. Op. cit. S. 128.
88. Ibid. S. 111.
89. Ibid. S. 120.
90. Kistler H., Preiter C. Der Nationalsozialismus. S. 14, 18-19.

91. Falter J.W. Wahlen und Wählerverhalten unter besonderer Berücksichtigung des Aufstiegs der NSDAP nach 1928 // Die Weimarer Republik 1918 - 1933. S. 495-504.
92. Kistler H., Preiter C. Der Nationalsozialismus. S. 16.
93. Hofmann R. Op. cit. S. 178; Trumpp T. Zur Finanzierung der NSDAP durch die deutsche Grossindustrie. Versuch einer Bilanz // Nationalsozialistische Diktatur 1933 - 1945. S. 148-152.
94. Hofmann R. Op. cit. S. 187.
95. Trumpp T. Op. cit. S. 152-153; Longerich P. Op. cit. S. 360.
96. Trumpp T. Op. cit. S. 153-154.
97. Ibid. S. 154.
98. Hofmann R. Op. cit. S. 187.
99. Kistler H., Preiter C. Der Nationalsozialismus. S. 22.
100. Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933. S. 33.
101. Kistler H., Preiter C. Der Nationalsozialismus. S. 24, 26.
102. Jäckel E. Hitlers Herrschaft. S. 43.
103. Das "Ermächtigungsgesetz" vom 24. März 1933. Morsey R. (Hrsg.). Göttingen, 1968. S. 65; Kistler H., Preiter C. Der Nationalsozialismus. S. 25.
104. Jäckel E. Hitlers Herrschaft. S. 47; Tyrell A. Voraussetzungen und Strukturelemente des nationalsozialistischen Herrschaftssystems // Nationalsozialistische Diktatur 1933 - 1945. S. 56.
105. Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933. S. 33.
106. Kistler H., Preiter C. Der Nationalsozialismus. S. 28.
107. Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933. S. 33-34.

Заключение

1. Peukert D.J.K. Op. cit. S. 266.
2. Ibid. S. 11.
3. Ibid. S. 271.
4. Ibid. S. 16.
5. Ibid. S. 11-12.
6. Ibid. S. 23.
7. Ibid. S. 267.
8. Ibid. S. 265.
9. Ibid. S. 271.

Ерин Михаил Егорович

История Веймарской республики
в новейшей германской историографии

Редактор, корректор А.А. Антонова
Компьютерный набор и верстка И.Н. Ивановой

Лицензия ЛР № 020319 от 30.12.96.
Подписано в печать 24.10.97. Формат 60 x 84/16. Бумага тип.
Усл.печ.л. Уч.-изд.л. Тираж 150 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета.

Ярославский государственный университет.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.